

АЗБУКА ВЕРЫ

прот. Борис Николаев

Духовная жизнь, как предначатие жизни вечной

Духовная жизнь, как предначатие жизни вечной

прот. Борис Николаев

протоиерей Борис Николаев

Оглавление

- [Вступление](#)
- [Глава I. Молитва и её значение в духовной жизни](#)
- [Глава II. Трезвение и его значение в духовной жизни](#)
- [Глава III. Духовная жизнь и внешний мир](#)
- [Послесловие](#)
- [Заключение](#)
- [Использованная литература](#)

^ Вступление

И создал Господь Бог человека из праха земного,

И вдунул в лице его дыхание жизни,

И стал человек душою живою (Быт. 2:7)

О духовной жизни написано и сказано немало, поэтому невольно возникает вопрос: стоит ли говорить о ней вообще и в каком смысле, в частности? Речь у нас пойдёт о духовной жизни христианина, в том числе и монаха.

Сама духовная жизнь рассматривается нами, как противостояние царству тьмы (зла) в аспекте *аскетическом*. Апология монашества и его история в нашу задачу не входят. Сам человек (пол, возраст), его земная жизнь, условия, здоровье, питание и прочее будут рассматриваться постольку, поскольку это имеет прямое отношение к нашей теме.

Под "духовной жизнью" люди светские прежде всего понимают занятия наукой, искусством и литературой, культурой в широком смысле этого слова, однако этого далеко недостаточно. По учению

Церкви Христовой, духовная жизнь – это всё то, что способствует стяжанию Духа Святого. *Не хлебом единым будет жить человек, -* говорит Иисус Христос, *- но всяким словом, исходящим из уст Божиих* (Мф. 4:4). Следовательно, подлинная духовная пища для плодоносной жизни человека – это слово Божье и всё, что основано на нём, включает в себя гораздо больше понятий.

Таким образом, духовная жизнь есть такой образ земной жизни человека-христианина, когда дух человека, занимая господствующее положение в отношении души и тела, направляет их деятельность при помощи благодати Божией в сторону жизни вечной, то есть Царствия Божия.

Как свидетельствует слово Божие, человеческая природа состоит из трёх частей: духа, души и тела. *Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохраняются без порока в пришествие Господа Нашего Иисуса Христа* (1 Фес. 5:23). – говорит апостол Павел. Эта идея прекрасно выражена архиепископом Иннокентием Херсонским в Акафисте Святой Троице *"Свят еси Господи Боже Наш, в духе, душе и теле нашем Трехчастную скинию на вселение Свое основати благоволивый и всеконечне грехом разрушится ей в нас не попустивый"* (Икос 4).

Догматическое учение Православной Церкви как об основных предметах веры, так и о природе человека основано на Божественном Откровении. Трёхчастное деление человеческой природы (так называемая трихотомия), подтверждается в разных местах Священного Писания (Евр. 4:12; 1 Кор. 2:14). Мысль о трёхчастном делении человека встречается и у древних философов. О человеке, как творении Божиим, имеющим дух, душу и тело, постоянно упоминается в святоотеческой литературе. Но особенно ясно это положение выразил и раскрыл святитель Феофан Затворник Вышенский. Это дало возможность как самому ему, так и его последователям более подробно и яснее раскрыть самое понятие духовной жизни и её сущность.

"Что же это за дух? – спрашивает святитель, – это та сила, которую вдохнул Бог в лице человека, завершая сотворение его... Дух, как сила от Бога исшедшая, ведаёт Бога, ищет Бога и в Нём одном

находит покой. Неким духовным сокровенным чутьём удостовераясь в своём исхождении от Бога, он чувствует свою поную от Него зависимость и сознаёт себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им" (Святитель Феофан Затворник. "Что есть духовная жизнь". Л., 1991. С. 31).

Духовная жизнь первозданного человека а райском Эдеме заключалась в непрерывном общении со своим Творцом - Всесовершенным Духом. Она была жизнью "жительствующей", то есть не сонным царством бездействующего самоуслаждения живых существ. Первозданный человек хорошо знал, что ему надо делать. Адаму было дано три заповеди: воздерживаться, возделывать и хранить. Это и было началом его богоуподобления или совершенствования в Боге (Быт. 2:15-17; Мф. 5:48). *Будьте совершенны, как Отец Ваш Небесный Совершен есть* (Мф. 5:48) - вот что было и во все времена останется главным призывом человеку слова Божия.

Но когда человек, пытаясь получить это совершенство воровским путём, пал, он был удалён от непосредственного богообщения, потребность в общении с Богом сохранилась, и это сделалось возможным только в молитве.

Поверивший дьяволу и исполнивший его волю человек оказался во власть врага рода человеческого. Лишённый света лицезрения Создателя, он стал блуждать во тьме, но имея данную Богом свободную волю, хотя и отягощённую грехом, мог достигнуть богообщения через молитву. Последствия грехопадения вскоре привели человечество к разделению на две части: "сынов Божиих", стремящихся к богообщению и покоряющих в себе грех, и "сынов человеческих", живущих по воле дьявола (Быт. 6:1-21). Одни чтили Бога Истинного, а другие искали бога в идолопоклонстве, изобретённым тем же врагом рода человеческого. В последних духовная жизнь была искажена. Грех вошёл в мир и занял центральное место во "внутреннем человеке", оттеснив в сторону духовное начало, т. е. дух человека, введённый Создателем при сотворении, и лишь немногие ветхозаветные праведники и пророки, как мерцающие звёзды на небосклоне, указывали блуждающему во мраке греха человеку путь к Божественной Истине.

По пришествии на землю Спасителя подлинная духовная жизнь людей, принявших святое крещение, полностью возродилась. Их жизнь стала благодатствованной. *Аще кто не родится от воды и духа*, – сказал Господь Иисус Христос, – *не может внити в Царствие Божие* (Ин. 3:5). После Искупительной Жертвы Иисуса Христа по вере в Спасителя человек получил возможность снова обрести утраченную связь с Богом и благодатные средства для борьбы с силами царства тьмы. В установленных Богом Святых Таинствах Христовой Церкви – Крещения, Миропомазания, Покаяния, Причащения, Елеосвящения, Брака и Священства духовная жизнь его приобрела новые качества. Через Таинства церковные, Евангелие, учение святых апостолов и отцов Церкви человек снова получил возможность войти в Царствие Божие. В трудах, в физической, непрестанной борьбе с искушениями среди мира, которые все в совокупности святым апостолом Иоанном Богословом были определены как *похоть очес, похоть плоти и гордость житейская* (Ин.2: 16), стало возможным иметь полный успех в духовной жизни.

Господь наш Иисус Христос, прежде чем начать своё земное служение спасению рода человеческого, Сам вышел навстречу этим трём искушениям и, победив диавола во дни сорокадневного Своего поста в пустыне, возвестил всему миру, что успешная духовная жизнь человека при помощи свыше возможна и что остаётся у него свободная воля для выбора веры и спасительного пути следования за Иисусом Христом.

Святые отцы и подвижники благочестия на основе Священного Писания, учения Спасителя и своего духовного опыта создали полную систему этого следования за Христом, которую мы называем *аскетикой*.

Аскетика – слово греческого происхождения (%Г[asxezo%]), которое имеет множество значений, в частности, оно означает упражнение, переработку грубой материи (например, кожи). В Древней Греции аскетами называли атлетов за их постоянные упражнения и воздержание, аскезой – закаляемость гимнастов для арены. Стоики называли аскезой упражнения в добродетелях. *Всяк подвижайся от всех воздержится* (1 Кор. 9:25).

В Римско-католической Церкви называют аскетизмом исполнение

монашеских обетов – евангельской нищеты, целомудрия и послушания, но это считается как сверхдолжное.

Протестанты отвергают аскетизм вообще.

По учению Православной Церкви аскетизм, как система установлений и предписаний для духовного усовершенствования, является обязательной для всех христиан, но имеет разные формы. Монашество – как аскетизм по преимуществу, как наиболее удобная, но не единственная форма духовного усовершенствования. Можно найти немало иных форм аскетизма. Каждый ревностный православный христианин, пребывающий в церковном послушании, имеет свой реальный аскетизм. Но об этом у нас речь будет позднее.

Итак, что есть православная аскетика?

Православная аскетика есть систематическое изложение внутреннего устройства духовной жизни православного христианина. Цель духовной жизни на земле есть стяжание Духа Святого, как говорит преподобный Серафим Саровский, через исполнение заповедей Господних и приведение в состояние гармонии природы человека, то есть предначатие жизни вечной. Предначатие это состоит не в одном только противостоянии силам тьмы, но предвкушении духовных благ теперь в земной жизни.

Цель духовной жизни состоит в богопознании и достигается она молитвой, которой главным образом определяется наше отношение к Богу, трезвением (внутренним вниманием), что, по учению святых отцов, является духовным подвигом аскетического самовоспитания, и физическим трудом, которым определяется отношение к внешнему миру.

Духовная жизнь имеет возрастные периоды, называемые степенями духовно-нравственного преуспеяния, духовного возраста. "Три есть степени преуспевающих в восхождении к совершенству, – говорит Никита Стифат, – очистительная, просветительная и таинственная, или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая – средним и третья – совершенным" (Добротолюбие. Т. У. С. 151, п. 41). Третью степень называют таинственной потому, что она связана с тайнами Горнего мира. Ей свойственно блаженное бесстрастие – состояние, называемое святыми отцами "небом на земле". Этого

духовного состояния достигают очень немногие. Отцы называют таких людей "ангелоподобными".

Святой Максим Исповедник уподобляет степени духовной жизни трём степеням церковной иерархии. "Дело дьякона, - говорит он, - исполняет тот, кто намащает ум на священные подвиги и отгоняет от него страстные помыслы; дело пресвитера - кто просвещает ум познанием Сущего и уничтожает лжеименное знание; дело епископа - кто завершает усовершенствование его Святым Помазанием ведения поклоняемой Святой Троицы" (Святой Максим Исповедник. "Слово о любви". С. 21).

О степенях духовной жизни говорят многие отцы и учителя Церкви. Одни описывают их обстоятельно, другие - кратко. Все они излагают своё учение на основе Священного Писания, но со своей точки зрения.

Так, преподобный Макарий Великий, понимая аскетизм в широком смысле, называет степени духовной жизни степенями духовного совершенства каждого христианина независимо от формы его внешней жизни (в трудах святых отцов можно ещё встретить термин "степень духовного преуспеяния").

Разделяя, как и другие святые отцы, духовное совершенствование на три периода, преподобный Макарий называет первый период состоянием "трудничество", второй - состоянием приивших действенность Духа, третий - высшую ступенью совершенства христиан. Но что очень важно, оно предпосылает первой степени ещё подготовительный период, когда, по его словам, "образуется твёрдая решимость спасаться в Господе" (Добротолюбие. Т. 1. С. 172). В течении этого испытательного периода подвижник приходит к неизбежному результату - самоотврежению и отречению от мира по заповеди Спасителя: *кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною* (Мк. 8, 35).

Преподобный Иоанн Лествичник делит период нравственного преуспеяния в духовной жизни на 30 ступеней *в меру полного возраста Христова* (Еф. 4:13), начиная отречением от мира и завершая бесстрашием - "небом на земле". Его наставления обращены непосредственно к монашествующим, хотя он говорит и о

мирянах, которые оплелись мирскими попечениями. Последним он даёт наставление - преуспевать в меру возможности: "Всё доброе, что только можете делать, делайте" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 1, 21).

Исходя из этого можно представить себе, что такое духовная жизнь. Теперь возникает вопрос: а что же делать, как и чего начинать её? Один евангельский юноша - искатель истинного блага спросил Христа Спасителя: *Учителю благий, что благо сотворю да имам живот вечный?* (Мф. 19, 16). Вопрос этот был задан Христу как одному из учителей блага, каковых в те дни было немало и в иудействе (раввины), и в язычестве (философы). Причём каждый из учительствовавших претендовал на истину, и каждый понимал по своему самую идею блага. *Что мя глаголеши Блага; ни ктоже Благ, токмо един Бог. Аще хочещи внити в живот* (внити - это ещё не иметь) *соблуди заповеди,* - ответил Спаситель (Мф. 19:17) и назвал ему заповеди пророка Моисея. Юноша, как и многие другие в его возрасте, думал, что этот знаменитый учитель даст ему нечто новое, неведомое и достаточно легко исполнимое, сказал: *Вся сея сохраних от юности моя и что есть еще недокончал?* (Мф. 19:20) *Аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим и имети имаша сокровище на Небеси и гряди вслед Мене,* ответил Иисус (Мф. 19:21). Нет, не земной учитель блага, а Сам воплотившийся Сын Божий призывал его в единственное и неповторимое в мировой истории высшее училище истинного блага и Божественной Премудрости. Но юноша ушёл с печалью (Мф. 19:22), потому что не выдержал как бы вступительного экзамена в это училище, ибо не имел твёрдой решимости следовать за Господом и начать то, что мы называем духовной жизнью.

Высшее училище истинного блага и Божественной Премудрости стало возвращать своих учеников среди бурного, суетного мира. По вознесении на небо Иисус Христос послал на землю своим ученикам и последователям Утешителя Святого Духа. Началась новая жизнь нового человека, рождаемого свыше от воды и Духа (Ин. 3:3-5). Настало время обилия чрезвычайных даров Святого Духа и начала Царства Божия в сердцах верующих. Чтобы обрести его, люди продавали свои имения и раздавали всякую собственность всем,

смотря по нужде каждого. Непрерывно росло число людей, принявших учение Спасителя и веру в Него. И на вопрос: "Что делать, чтобы спастись?" святой апостол Пётр ответил трёхтысячной толпе народа, собравшейся в день Пятидесятницы: *Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов - и получите дар Святого Духа* (Деян. 2:38). Истинная, небывалая в истории мироздания духовная жизнь забила живым ключом (Деян. 2:39-47).

Спаситель назвал своих последователей - всех христиан светом мира (Мф. 5:14). Они названы так не потому, что они были какими-то "сверчеловеками" или "воплощёнными ангелами", а потому, что среди развращённого мира иудеев и язычников они стали светильниками, исполненными благодати Святого Духа через Евангелие и веру. Но мир не стал снова Эдемом и диавол не был низвергнут. Грех продолжал проявляться, и среди христиан появились разного рода мужи, *глаголющие развращенная* (Деян. 20:30). Затем начались гонения на христиан со стороны иудеев и языческих властей Римской империи.

После почти трёх веков жесточайших гонений римский император Константин принял Миланский Эдикт, по которому гонения за веру были прекращены. Христиане начали свободно исповедовать свою веру, однако стали появляться ереси, активизировали свою деятельность сектанты, извращающие всё христианство. Одна из них - ересь Ария. Ариане имели большое влияние в тогдашнем обществе.

Благочестивый император Константин Великий за свои дела в защиту христианства и христианского просвещения был прославлен Церковью в лике святых и был назван равноапостольным. Но не все императоры в дальнейшем были такими, как равноапостольный Константин. Валент, например, был ярким сторонником ариан. Он и ему подобные императоры вмешивались во внутренние дела Церкви. Так как христианство стало религией государственной, то в Церковь шли люди или неверующие, или безразличные к христианству с целью иметь привелегии в государственной службе. Приняв крещение, они оставались такими же, какими были, и часто жили хуже, чем лучшие из язычников. Ясно, что в таком обществе духовная жизнь едва теплилась. Поэтому людям, желавшим жить

подлинной духовной жизнью, было очень тяжело в такой атмосфере. И они, помятуя повеление Божие, данное прведному Аврааму: *Изыди от земли твоей и от сродства твоего и от дому отца твоего* (Быт. 12:1-21), уходили в пустыню.

В исполнении апостольской заповеди: *Не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2:15) началось удаление христиан от суетного мира, в том числе и географическое, соединённое с полным отречением от всего, что в мире. *Аще кто любит мир, - писал святой апостол Иоанн Богослов, - несть любви Отчей в нем. Яко вся еже в мире, похоть плотская, и похоть очима и гордость житейская несть от Отца, но от мира сего есть* (1 Ин. 2:15-16). Если во дни святого апостола Иоанна христиане, отрекаясь от страстей мира, могли пребывать в нём и проповедовать Христову веру, то теперь для них потребовалось удаление от мира. Жаждавшие истинной духовной жизни стали уходить в необитаемые места и там спасаться. Они не искали рая на земле, а лишь жизни духовной. Светское общество, то есть мир, восприняло это движение как непонятное и вредное. *Душевный человек, - говорит святой апостол Павел, - не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием* (1 Кор. 2:14).

Из-за того, что в светском обществе не было понимания различия духовного и душевного, на мироотреченников, подвижников благочестия нередко воздвигали гонения. Даже те родители, которые исповедовали христианство, разыскивали сыновей, удалившихся и водворившихся в горы и пустыни, и в оковах приводили их обратно. Святитель Иоанн Златоуст в своём обличительном слове "К верующему отцу" указывает на это псевдохристианство: "И не только ужасно то, что вы внушаете детям противное заповедям Христовым, но и то ещё, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на зрелищах светскостью, обладание богатством свободой, славолубие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством. Потом, как будто мало этого обмана, вы и добродетели называете противоположными наименованиями: скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие

бессилием" (Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 92).

Хотя проповедники истины и благочестия не молчали, но некоторые верующие слушали их проповеди также, как речи ораторов и восхищались красноречием, не вникая в содержание. *Будет время, - говорит апостол, - когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху* (2 Тим. 4:3).

Так, по слову Спасителя, врагами человека, хотящего благочестно жить, становились его домашние (Мф. 10:34-36).

Понимая это, такие подвижники - столпы благочестия и духовной жизни, как преподобные Антоний Великий, Павел Фивейский и многие другие ушли из мира и по воле Божией стали основателями особого уклада духовной жизни, который мы теперь называем *монашеством*.

Следуя наставлениям Спасителя о необходимости самоотречения, эти подвижники осознавали, что видимое удаление от мира - это лишь начало спасения, что на новом месте им предстоит тягчайший подвиг повседневного противостояния искушениям и, главное, внутреннего внимания, то есть тщательной работы над самим собой, которую святые отцы называли *трезвением*.

Трезвение - это средоточие духовной жизни монашества. Без трезвения нет и не может быть истинного монашества. Без него само монашество неизбежно превращается в некое религиозно-трудовое сообщество, в котором люди всего лишь исполняют молитвенное правило, а не творят молитву.

Характерными признаками монашеской жизни, которые введены в обеты, даваемые Богу перед пострижением, являются целомудренное безбрачие, святое (а не слепое) послушание и нестяжание. Однако, даже при наличии этих начал, но без деятельного трезвения, монашеская жизнь бывает несовершенна, по слову апостола приравнена к человеческим обычаям (1 Кор. 3:3). Отсюда можно сделать вывод: чем сильнее и лучше в том или ином монастыре поставлено деятельное трезвение, тем ближе эта обитель к Горнему миру.

Христианская вера, пришедшая к нам на Русь с Православного

Востока, принесла с собой и восточное монашество. Оно было встречено нашими предками очень дружелюбно, и монашеский уклад жизни стал составной частью жизни Святой Руси. Преподобный Антоний Киево-Печерский со своим учеником преподобным Феодосием положили на Руси начало монашеского общежития Афонских монастырей.

По примеру Киево-Печерских святых подвижников и образцу их обителей в самых разных местах стали создаваться другие монастыри, в особенности там, куда не доходила мирская суета - в дремучих лесах и на пустынных островах. Так возникли, например, Троице-Сергиева, Валаамская, Соловецкая и другие обители. Русский народ всей душой воспринял монашество. Каждый богобоязненный мирянин уклад своей домашней жизни старался строить на основах монашеских, и нередко перед кончиной своей принимал монашеский постриг.

Почти около каждого монастыря образовывался небольшой мирской посёлок (посад), который постепенно вырастал в большое селение. Со временем такой монастырь оказывался среди города. В последнее время монастыри стали строить и в больших городах, где они граничили с городскими строениями и уподоблялись роскошным дворцам. Мир, понимаемый в смысле греховной суеты, опять стал вторгаться в монастырские стены. Таким образом стало сбываться предсказание преподобго Антоня Великого: "Придёт время, возлюбленные дети мои, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где, вместо этих пустынных пещер и тесных келий, воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостью; многие будут гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладает; вместо воздержания умножится чревоугодие, и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах, не менее самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавником [...]. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас" (Добротолюбие. Т. 1. С. 129, п. 26).

Эти слова основоположника православного иночества имеют особое

значение для более поздних времён русской истории, когда, по слову святого апостола Павла, *все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе*, стали гонимы (2 Тим. 3:12).

Революция 1917 года уничтожила монастыри, разорила и освернила православные святыни. Само монашество было объявлено вне закона и обречено на вымирание, а люди, исповедующие христианство, преследовались. Это было попущено Богом за греховную жизнь людей. *Сыне, не пренебрегай наказания Господня*, - говорит Священное Писание, - *его же любит Господь, наказует* (Притч. 3:11-12).

Настало для православия в России время 70-летнего пленения. Многие иноки-подвижники достигали небесных обителей как мученики и исповедники, недостойные отреклись, прочие же тихо отошли "в путь жизни сея". Так было угодно Господу очистить своё наследие огнём страданий и скорби.

В связи с закрытием монастырей в первые годы советской власти возникло так называемое "тайное монашество". Монахи, вынужденные скрывать своё монашество по причине гонений, исполняли монашеские обеты втайне. Некоторые в дальнейшем принимали "тайное монашество", чтобы скрыть свои добродетели. Но, к сожалению, какие бы положительные побуждения "тайного монашества" ни были, оно всегда имело и отрицательные стороны. Это "дикорастущее монашество" не имея ни монастыря, ни духовного руководства жило под "самопослушанием" и духовно дичало. Люди, принявшие постриг в те годы, дожили до наших дней, но в современных монастырях они нежелательны, потому что, прожив под "самопослушанием", укрепились в своеволии, а создать свою независимую общину тем более не могут (1 Кор. 3:3). И получается, что, когда эти люди попадают в современные монастыри, они вносят туда лишь разлад и смущение.

Наступили перемены, и вот, в наше время государственная власть вернула в распоряжение верующих для использования по назначению монастыри и храмы, многие святыни.

Хотя в нашем земном отечестве наступила как бы духовная весна, но нелёгкая крестная ноша досталась современному монашеству.

Приходится восстанавливать храмы. Монастырское хозяйство, как известно, находилось и ещё продолжает находиться в жалком состоянии: полуразрушенные и переоборудованные здания предстоит не только восстанавливать, но и переделывать. Но главнее – к пережитым скорбям и гонениям прибавились ещё "болезни века": неподготовленность поступающих в обители, недостаток духовного руководства, отсутствие духовной преемственности...

Что делать? С чего начинать восстановление монастырей? Ответ для рассуждающих по духовному вполне ясен. Строить надо монастырь, как духовный организм, а не восстанавливать монастырские здания, иначе это будет лишь памятник архитектуры. Как это делать, в православной аскетике дан исчерпывающий ответ, но теперь, к сожалению, и основы её почти забыты.

Какое положение мы часто наблюдаем в современных монастырях? Вот по благословию старцев пришли люди в переданный Церкви монастырь. Перед ними две задачи: молитва и труд. Мест приложения труда у них много. Пособий для молитвы церковной и келейной, богослужебных книг и келейных канонников тоже немало. Однако, не имея правильного духовного руководства, христианская душа, ищущая духовной жизни, чувствует, что не должная, без внимания себе (хотя и продолжительная) молитва так же, как и бессмысленно-изнурительный труд бесплодны. Они создают некую пустоту, вакуум. Этот вакуум нужно заполнять тем, что в монашеской жизни называется трезвением, которое немислимо без духовного руководства.

Трезвение одухотворяет и обогащает как молитву, так и труд подвижника: оно всегда укажет время и целесообразность того и другого. Чем ярче и сильнее свет этого светильника - трезвение в обители, тем выше в ней духовная жизнь.

Отсутствие трезвения приводит к тому, что некоторые насельники и насельницы переходят из одного монастыря в другой, скрывая своё прежнее монастырское житие. Такие хождения не приносят плодов, потому что люди забывают слова Спасителя, что *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17:21), к ним относится народная поговорка: "Не ищи в селе, поищи в себе".

Нет сомнения: подвижники благочестия были, есть и всегда будут. В каждом насельнике и в каждой насельнице таится и теплится искорка Духа Божия, способная дать великий светильник. Всё дело в искании единого на потребу, которое достигается через трезвение.

^ Глава I. Молитва и её значение в духовной жизни

"Молитва, - как сказано в Православном Катехизисе, - есть возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом человека к Богу".

Через молитву полагается начало богопознания, а отсюда и духовной жизни всякого верующего. Её можно назвать душой православной религии. Преподобный Иоанн Лествичник называет молитву "матерью добродетелей" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 28). Вот почему враг рода человеческого - дьявол ведёт постоянную борьбу против молитвы. Царство тьмы пытается всеми способами отвлечь христианина от молитвы.

Теперь мы будем говорить о духовном подвижничестве, составляющем смысл духовной жизни православного христианина, то есть об аскетике. Всякий истинно верующий православный христианин уже в какой-то мере аскет. ЧеловекЮ который не живёт духовной православной жизнью, а все свои интересы и устремления полагает в земных стяжаниях и душевно-телесных страстях в Евангелии называется человеком душевным. Такой человек *не принимает того, что от Духа Божия, потому что считает это безумием*, - говорит апостол Павел (1 Кор. 2:14). У мирян духовное подвижничество прежде всего бывает связано с говением и пощением, иногда мирянин этим и ограничивается. Между тем во дни говения и постов должна усиливаться как сама молитва, так и прочие духовные подвиги. Но об этом у нас речь будет ниже. Сейчас мы будем говорить о молитве в полном и истинном смысле этого понятия.

Святые отцы Церкви называют четыре качества истинной молитвы: *покаянность, благоговейность, внимательность и неспешность*. Эти четыре качества взаимосвязаны: одно влечёт за собой другое или, вернее, на основе одного рождается другое, следующее за ним качество.

Святые отцы отмечают также *три степени* духовного преуспеяния.

Достигая *первой степени*, рлдвижник должен выработать в себе внимание, чтобы добиться молитвы *непрерываемой*. Первая степень называется *очистительной*.

На *второй степени* он достигает умно-сердечной молитвы. Эта степень называется *просветительной*.

Третья степень называется *таинственная* или *совершительная*.

Преподобный Нил Синайский тоже говорит о трёх качествах молитвы, которые можно определить как *прерываемая*, *непрерываемая* и *совершенная*. "Молитва, прерываемая помыслами (низшая) и соединяемая с телесными заботами, далека от устройства, подобающего молящемуся. Такой не слышит сам себя, туда и сюда носясь мыслию и не помня, какие произносит слова", - пишет он (Добротолюбие. Т. 2. С. 229).

После низшей, есть вторая (более высокая) молитва, "когда произносятся слова, а ум с умилением следует за оными, и знает к кому обращает прошение". А "есть высшая молитва совершенных - некое восхищение ума, всецелое отрешение его от чувственного, когда неизглаголаннкими воздыханиями духа приближается он к Богу" (Там же).

В области молитвенного делания достижение каждой степени духовного роста сопровождается усиленным трудом и подвигом.

Восхождению на первую степень сопутствует непрестанная духовная борьба за чистоту молитвы и отгнание помыслов. На следующей второй степени приобретается молитва невозмутимая (заключение мысли в словах), благоговейная, а через это - умно-сердечная. На третьей (высшей) степени достигается молитва духовная, таинственная, а потому - неизреченная. "Будь мужественным, - говорит преподобный Иоанн Лествичник, - и Сам Бог будет твоим учителем в молитве. Нельзя словами научить зрению (то есть видеть глазами), ибо это есть природная способность; так и благолепие молитвы нельзя познать от одного учения. Ибо в самой себе имеет учителя - Бога" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 28, 64).

Должно сказать, что на первой степени духовного преуспевания молитва обязательно должна быть произносимой вслух громко или шёпотом. Она должна совершаться как можно медленнее, чтобы дать возможность молящемуся вникнуть и уразуметь смысл и силу молитвословия. Способствует в этом главным образом *псалмодия* – чтение на распев или пение молитвенного текста, а так же многократное повторение отдельных слов или целых молитвословий. Святитель Игнатий Брянчанинов замечает, что преподобные отцы первых веков христианства отнюдь не занимались собственно пением, а под словом псалмопения должно разуметь крайне неспешное протяжное чтение псалмов. По протяжённости и сходности с пением такое чтение называется псалмопением (Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. С. 187). Во всех богослужебных книгах постоянно встречается выражение: "Поём службу". Всё наше богослужение – сплошное пение. Это всё способствует внимательной молитве, а внимание создаёт благоговение и покаянное настроение молящегося.

Упомянутые четыре качества истинной молитвы, указанные святыми отцами, особенно необходимы бывают в начале духовного пути. Прежде всего мы должны приобрести неспешность и внимательность в чтении и пении текста молитвословий. Вот что говорит об этом святитель Феофан Затворник Вышенский: "Чтобы успешнее совершать, потрудитесь в свободное время прочитать их все, обдумать и občувствовать, чтобы, когда станете читать их на молитвенном правиле, вам известны были святыя помышления и чувства, содержащиеся в них. Не то значит молитва, чтобы прочитать только молитвы, но то, чтобы воспроизвести в себе содержание их, и так их произносить, чтобы они шли от нашего ума и из нашего сердца" (Святитель Феофан Затворник. "Что есть духовная жизнь". С. 171). Святитель советует заучить эти молитвы на память, "чтобы не хлопотать о книге и свете, и чтобы не развлекаться тем, что видит глаз во время молитвенного правила" (Там же. С. 171). Далее он советует: "Заучить на память псалмы, какие впадут на сердце при прочитывании их" (Там же. С. 172). Это полезно для молитвы повременной.

О духовной пользе молитв, заученных на память, говорят многие

отцы Церкви: "Когда идёшь за водою, или путешествие совершаешь, - говорит Антоний Великий, - читай псалмы на память и размышляй" (Добротолюбие. Т. 1. С. 104). "Иноки тех первых времён, - замечает святитель Игнатий, - имели правилом изучать Псалтирь наизусть" (Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. С. 187). Речь идёт о пустынножителях III-IV веков, когда псалмы служили не только руководством в молитве, но и единственной почти формой готового молитвенного текста. В наши дни, как известно, псалмы различаются от молитв.

Молитва, как средство богообщения, сама по себе, конечно, неизменна, но, однако, совершаемая в земных условиях, зависит от обстоятельств земной жизни, потому имеет несколько видов, форм и способов, зависит от времени и места, а также от духовного и физического состояния молящегося подвижника.

1. По времени совершения молитва бывает: ночная, утренняя, дневная, вечерняя, постоянная и непрестанная.
2. По месту совершения она бывает: домашняя (у мирян), келейная (у монахов), церковно-богослужебная, а также совершаемая на всяком месте по потребности.

Прежде, чем приступить к молитве и обратиться к Богу, молящийся должен создать в себе самом мир и покаянное настроение.

Домашняя молитва совершается перед святыми иконами. Она должна совершаться по молитвослову утром и вечером, и в продолжение дня вся жизнь благочестивого мирянина должна быть проникнута молитвой. Всякое дело начинается и оканчивается молитвенным обращением к Господу, к Его Пречистой Матери и святым угодникам Божиим. Особенно следует освящать молитвой утреннее время.

"Ловите утренние часы, - говорит святой праведный Иоанн Кронштадтский, - это часы как бы новой обновлённой временным сном жизни. Они указывают нам отчасти на то состояние, когда мы восстанем, обновлённые в общее Утро Невечерняго Дня Воскресения, когда разрешимся от этого смертного тела" (Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Т. 1. С. 20).

По учению святых отцов (Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. С. 172), молитвенное правило определяет

смысл и значение молитвы, оно направляет душу правильно и свято *поклоняться Отцу в духе и истине* (Ин. 4:23), поэтому главнейшая молитва есть молитва книжная, изложенная в православных молитвословах, то есть определённая и благословенная Православной Церковью. Отцы Церкви предупреждают об этом всякого молящегося: "Не дерзни приносить Богу многоглагольных и красноречивых молитв, тобою сочинённых, как бы они не казались тебе сильны и трогательны: они произведения падшего разума, и будучи жертвою осквернённою, не могут быть приняты на духовный жертвенник Божий (Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. С. 171).

При совершении правила и поклонов, - говорит святитель Игнатий, - никак не должно спешить; должно совершать правила и поклоны с возможною неспешностью и вниманием. Лучше меньше прочесть молитв и менее положить поклонов, но со вниманием, нежели много без внимания. Совершать правило в положенные часы обращается в навык, в необходимую естественную потребность. При оставлении правила, и даже при одном сокращении его, непременно нападает на подвижника смущение. От расстройства рождается уныние". Поэтому святитель советует: "Избери себе правило, соответственно силам. Молитвенное правило для человека, а не человек для правила: оно должно способствовать к достижению духовного преуспеяния, а не служить бременем неудобноносимым, сокрушающим телесные силы и смущающим душу" (Там же. С. 174-175).

Приведённое наставление святителя относится как к новоначальным инокам, живущим в безусловном послушании, так и вообще ко всем мирянам, ведущим жизнь духовную, которая немислима без духовного руководства. Читая повествования о подвигах великих подвижников, следует твёрдо помнить: что позволительно опытному старцу, то не полезно, а потому и непозволительно новоначальному иноку, равно как и мирянину. "Удивляться трудами сих мвятых, дело похвальное; ревновать им спасительно; а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 4, 42).

Все мы знаем, что молитва есть начало нашего богообщения, поэтому с первых шагов нашего обращения к Богу (не говоря уже о

полноценной духовной жизни) в самой молитве начинается наше противостояние царству тьмы. Враг особенно воздействует на подвижника именно во время молитвы; он нападает со всех сторон, пытается через помыслы возбудить все страсти, как душевные, так и плотские, но прежде этого пытается отвлечь внимание молящегося, внушая помысл о вещах негреховных и даже духовно полезных.

"Когда демоны увидят, что кто либо имеет усердие и ревность молиться как должно, то (во время молитвы) влагают ему мысли о чём-либо будто нужном (и отходят), а спустя немного времени опять возбуждают воспоминание о том, подвигая и ум на рассмотрение того (если это вопрос, - на разрешение, если вещь, - на приобретение), - и он, не находя искомого, досадует и скорбит". Потом, когда молящийся снова настроится на молитву, "они напоминают ему, о чём он помышлял и чего доискивался, чтобы ум, подвигшись опять к узнанию (не решённого прежде), сделал молитву бесплодной" (Добротолюбие. Т. 2. С. 208).

Это святоотеческое наставление должен твёрдо помнить начинающий молитвенное делание. С первой же степени (ступени) духовной жизни искушения усиливаются и усложняются. Враг старается засорить молитву во всех её четырёх качествах, о которых говорилось выше: неспешность, внимательность, благоговейность и покаянность. Если при неспешной молитве нет внимательности, то враг всевает в ум суету житейскую, философские и даже богословские размышления, не относящиеся к содержанию молитвы. "Часто отвлекаясь от слов молитвы, следуем за уводящими нас помыслами, не отрекаясь от них и не огорчаясь ими, - что был бы признаком несогласия воли с внушающими недолжное", - учит Нил Синайский. "Молитва, - продолжает он, - требует, чтобы ум был чист от всякого помышления и не пускал в себя ничего не молитвенного, хотя бы то было и досточестно; но как вдохновенный Богом, отрекшись от всего, совершал своё собеседование с Ним Единым" (Добротолюбие. Т. 2. С. 227).

Истинная молитва всегда вызывает отрицательную реакцию силы вражией - это один из признаков богоугодности нашей молитвы. "Пользу молитвы познаём мы из тех препятствий, которые делают нам бесы во время церковных собраний; а плод её - из побеждения

наших врагов" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 28, 61).

Как мы уже знаем, враг пытается всеми мерами разрушить или осквернить молитву нашу. Таким осквернением является, например, зложелание в молитве, прошение от отмщении врагам. Также неугодна Богу молитва мелочная, когда в своей молитве человек усердно просит Господа исполнить свои земные желания, даже добрые, вплоть до мелочей, а также молитва "наёмная", когда человек, не желая молиться сам, нанимает других молиться о собственных нуждах; такая молитва может иметь место в жизни духовной только тогда, когда просьба христианина помолиться за него другого человека, например священника, подкреплена собственной молитвой. *Молясь не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него* (Мф. 6:7-8). Мелочная молитва, содержащая прошения о нуждах только житейских, есть молитва душевная, как говорят отцы Церкви. Вера и любовь, как известно, сопутствуют всякой вообще молитве: без них нет и не может быть молитвы. Истинный подвижник благочестия - будь то мирянин или инок, или священнослужитель - молится по любви и не только о собственном спасении, но и о здравии и благополучии своих близких и знакомых. Такая молитва всегда богоугодна. "Если кто-нибудь просит тебя помоишься о нём, то хотя бы ты и не стяжал ещё дара молитвы, не отрицайся (не отказывайся), - говорит преподобный Иоанн Лествичник, - ибо часто вера просящего молитвы спасает и того, кто молится о нём с сокрушением сердца. Не возносись, когда ты молился о других и был услышан, ибо это вера их подействовала о совершила" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 28, 36-37).

По мере преуспевания нашего в области молитвенного подвига нам приходится, кроме отгнания помыслов, противостоять ещё и искушениям от "извне полонящего душу" врага, пытающегося всеми мерами испортить нашу молитву. Таких искушений святые отцы называют четыре: *осквернение, окрадение, истребление и порок*. "Иное дело осквернение молитвы, иное - истребление оной, иное -

окрадение, а иное – порок молитвы. Осквернение молитвы бывает, когда человек, предстоя Богу, занимается непристойными и нечистыми помышлениями. Истребление молитвы, когда ум бывает пленяем бесполезными попечениями. Окрадение же, когда мысль молящегося не приметно парит; а порок молитвы есть приращение какого бы то ни было помысла, во время оной к нам приближающегося" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 28, 22). Такие искушения начинаются на конце первой степени духовной жизни, когда бывает достигнут некоторый успех в борьбе с помыслами вообще. Здесь мы видим уже ухищрение (хитрость) вражескую.

Об этих искушениях подвижники благочестия, достигшие высших степеней совершенства духовной жизни, получают откровения свыше во время молитвы. "Если молишься истинно, то получишь во многом полное удостоверение, и Ангелы соберутся к тебе, как к Даниилу, и просветят тебя ведением причин, почему что бывает" (Добротолюбие. Т. 2. С. 217).

Святые отцы постепенно вели своих учеников к молитве самодвижимой, исходящей от сердца прямым и свободным путём, порой творимой своими словами. "После каждой прочитанной молитвы кладите поклонов несколько, колико рассудите, со своим молитвенным словом о чувствуемой нужде, или обычной краткой молитвой" (Святой Феодан Затворник. Что есть духовная жизнь. С. 172). Молитва самодвижимая, краткая по времени, но великая по силе. Примеры такой молитвы мы находим в Священном Писании: это молитва мытаря и молитва благоразумного разбойника (Лк. 18:13; Лк. 23:62-63) и многие другие.

Когда мы произносим на молитве рассеяно лишь слова её, то творим небогоудную молитву. Подобное "искушение от мира" может быть на всех степенях совершенства духовной жизни; истинная же молитва, или как называют её святые отцы *должная*, приобретается путём духовного "делания", то есть за счёт внутреннего внимания и усиленной работы над самим собой. Когда человек молится искренно, хотя бы даже своими словами и о душевном, но с усердием – он уже стоит на пути к истинной, *должной* молитве.

Самая искренняя молитва – это молитва слёзная. Слёзы здесь бывают

покаянные, умиленные от полноты духовной радости, или скорбные. Слезы покаяния и духовного умиления есть дар Божий, поэтому святые отцы предостерегают молящегося подвижника от искушения: "Употребляй слёзы, как орудие к получению всякого прощения; ибо очень радуется о тебе Владыка, когда ты молишься со слезами. Когда во время молитвы твоей изливаешь потоки слёз, отнюдь не возносись тем самым, как будто ты выше многих. Это помощь свыше пияла молитва твоя, чтобы ты, усердно исповедав грехи свои, слезами умилостивил Владыку (Добротолюбие. Т. 2. С. 208).

Теперь нужно сказать несколько слов о молитве Иисусовой. Молитва эта имеет свою историю и ведёт своё начало, как утверждают святые отцы Церкви, от времён Христа Спасителя и апостолов, хотя точных и непосредственных наставлений о ней, как например, о молитве Господней, в Священном Писании нет. Сама по себе молитва эта проста, но в то же время глубокомысленна и очень удобна для употребления. В устах великих подвижников благочестия, основоположников православного монашества, Иисусова молитва получила благодатную силу благодаря непрестанному призыванию имени Иисуса Христа, пред Которым, по словам апостола Павла, *преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних* (Флп. 2:10). Однако Иисусова молитва бесплодна, если произносится механически. Такая молитва отвергнута самим Спасителем: *Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!" войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7:21). Молитва должна быть в русле исполнения воли Божией, заповедей Его. В противном случае употребление этой молитвы, даже искреннее, не принесёт плодов и духовной пользы.

Итак, из приведённого ясно, что духовная жизнь, хотя и многостепенна и многогранна, но по существу едина. Однако нужно помнить, что монашеский образ жизни, издревле признанный отцами Церкви, как образ наилучший и совершенный, не всякому посилен и не является непременным условием спасения. Отвечая на письмо одной из своих духовных учениц, святитель Феофан Затворник пишет: "Вы спешите в монастырь, будто бы на свободу и в рай. Точно. Там полная свобода для духа, но не для тела и внешних дел. В этом

отношении там полная "связь" – закон неотложный – не иметь своей воли. И рай там есть, но его находят не всегда, по цветистой шествующей дороге" (Святойитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь. С. 158).

В итоге всего вышесказанного о молитве невольно возникает вопрос: насколько реален молитвенный подвиг теперь? Многие "нерадивые", как называет их преподобный Иоанн Лествичник, склонны думать, что всё это возможно было тогда и написано не для них, а для святых. Да, несомненно, должная молитва приобретается многолетними трудами и подвигами, но как говорит великий подвижник: "Долго пребывая в молитве, и не видя плода, не говори: я ничего не приобрёл. Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение; и какое благо выше сего, прилепиться ко Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним?" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 28, 29). А дальше трудись и всё приложится.

^ Глава II. Трезвение и его значение в духовной жизни

*Трезвитесь, бодрствуйте,
потому что противник ваш диавол ходит,
как рыкающий лев, ища, кого поглотить
(1 Петр. 5:8)*

Слово "трезвение" в переводе с церковно-славянского языка означает "воздержание от излишеств". Однако такое толкование недостаточно. Воздержание от греха - это ещё не всё, говорит преподобный Макарий Великий.

"Трезвение" есть духовное художество, которое, если долго и с постоянным усердием проходить его, совершенно избавляет человека от страстных помыслов, и слов и худых дел: дарует тому, кто его проходит, верное познание Бога Непостежимого, сколько сие возможно для нас и сокровенное разрешение сокровенных Божественных тайн". Трезвение есть "творительница всякой заповеди Ветхого и Нового Завета, и всякого блага Будущего Века подательница" (Добротолюбие. Т. 2. С. 157). Так определяет трезвение преподобный Исихий Иерусалимский, подвижник IV-V

веков.

Исходя из этого святоотеческого определения, трезвением можно назвать совокупность духовно-телесных подвигов и средств, способствующих духовному развитию и совершенству христианина.

Без трезвения нет и не может быть духовной жизни в полном и истинном смысле этого слова. "Кто не живёт в трезвении, - говорит преподобный Исихий Иерусалимский, - не освободится он [...] от греховных, Богу ненавистных дел, слов и помышлений" (Добротолюбие. Т. 2. С. 158). Если молитву мы называем "дверью" в духовную жизнь, то трезвение "сердцевиною" её: трезвение в духовной жизни - то же, что семена внутри плодов.

В духовной жизни христианина трезвение имеет примерно такое же значение, как физическая культура и спорт в жизни физической; как эти занятия способствуют укреплению тела и воли человека, так трезвение способствует укреплению духовно-телесной природы христианина-подвижника и приводит её в состояние гармонии, восстанавливает то, что расстроил первородный грех.

Святой апостол Павел, уподобляя духовную брань спортивным состязаниям пишет Коринфянам: *Не знаете ли, что бегущие на ристалище, бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы - нетленного* (1 Кор. 9:24-25). Таким образом, трезвение можно назвать духовно-телесным упражнением, своего рода "спортом" с той лишь разницей, что спорт физический развивает и укрепляет тело, а трезвение развивает и укрепляет дух, а тело порабощает духу.

Трезвение непосредственно связано с внутренним вниманием, которое по сути есть самонаблюдение. Как неотъемлемая часть духовной жизни, учение о трезвении зиждется на основании Священного Писания и святоотеческих правил.

Так же, как и молитва, трезвение возрастает, развивается и совершенствуется по степеням духовного преуспевания, как называют их святые отцы. Таких степеней, как было указано выше, три: *очистительная, прсветительная и совершительная* (или *таинственная*). "Первая свойственна новоначальным, - говорит об

этом преподобный Никита Стифат (Добротолюбие. Т. 5. 151), - вторая - средними и третья - совершенным. По трём сим степеням восходя по порядку, рачительный подвижник возрастает до возраста Христова, и приходит *в мужа совершенна в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4:13)". Такие степени духовного взросления подвижника-христианина святые отцы Церкви основывают на Священном Писании. В частности, размышляя о девяти Заповедях блаженства, изложенных Самими Спасителем в Его Нагорной проповеди (Мф. 5:3-12), можно разделить эти заповеди на три части (по три заповеди в каждой из частей) и обнаружить в них указанные выше три степени духовного преуспеяния (взросления). Также можно определить составные части каждой из трёх степеней: смиренномудрие, покаяни, кротость (первая степень) (Мф. 5:3-5), желание спасения, милосердие, чистота сердца (вторая степень) (Мф. 5:6-8) и, наконец, благовестование мира, радование в связи с гонениями за правду и блаженство в связи с гонениями за Христа. *Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы*, говорит Священное Писание (2 Тим. 3:12).

Преподобный Иоанн Лествичник изложил своё учение о совершенстве и преуспеянии в духовной жизни в форме 30-ти ступенной Лествицы *в меру полного возрастания Христова* (Еф. 4:13), то есть по числу лет возраста Иисуса Христа, явившегося на проповедь народу. Преподобный Иоанн также начинает свою "Лествицу" словами о смиренномудрии, покаянии и кротости, а далее он, излагая своё учение о добродетелях в духе девяти Заповедей блаженства, обстоятельно исследует и противоположные пороки. Обращаясь непосредственно к монашествующим, он говорит об отречении от мира, о духовном странничестве, а заканчивает "Лествицу" рассуждением о молитве, бесстрастии и о трёх добродетелях - вере, надежде и любви.

Строго определённой последовательности в "Лествице" не наблюдается, но постепенность восхождения и совершенствования ясно видна. Лествица преподобного Иоанна является богатейшей сокровищницей аскетической премудрости.

Подвижник IV века преподобный Макарий Великий приводит четыре степени совершенства духовной жизни, а именно:

1. Образование твёрдой решимости спасаться в Господе.
2. Состояние трудничества.
3. Состояние приивших действенность Духа.
4. Высшая степень совершенства христиан.

Надо заметить, преподобный Макарий относит христианское совершенство не только к монахам, но ко всем христианам вообще.

Святитель Афанасий Великий находит некоторую связь Заповедей блаженства с первым псалмом Давида. Святитель замечает, что божественный потомок царственного пророка-псалмопевца начал своё благовестие тем же словом "Блажен", как и праотец его пророк Давид.

Вникая в глубину содержания псалма, не трудно заметить те самые четыре степени духовной жизни, о которых говорил преподобный Макарий Великий (Добротолюбие. Т. 1. С. 172-260). *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых* (предочистительная степень), *и на пути грешных не ста* (состояние трудничества), *и на седалище губителей не седе* (состояние приивших действенность Духа), *но в Законе Господне воля Его и в Законе Его поучится день и ночь!* (высшая степень совершенства) (Пс. 1:1-2). Слово "поучится" в данном контексте означает занятие, постоянное упражнение, размышление. Однако это не умственное размышление о Законе, а богопознание, именно то, что святые отцы называют "зрением Горнего мира".

Степень "образования твёрдой решимости спасаться в Господе", которую преподобный Макарий Великий предпосылает степени "состояния трудничества" и которую можно назвать предочистительной степенью, определяет период времени с момента обращения грешника и оканчивается в начале "состояния трудничества" глубоким, полным и всеобъемлющим покаянием его. Покидая греховный мир, новоначальный подвижник должен испытать и укрепить своё решение трудиться в Доме Отца Небесного. Отречение от мира - понятие широкое, и о нём будет у нас речь ниже. По завершении предочистительной степени человек должен, по меньшей мере, оставить мир. Но это не так просто. Греховный мир тянется за ним; сила вражия употребляет все усилия, чтобы удержать

уходящего. Здесь начинается подвижничество.

Начинающий подвижник прежде всего должен заняться изучением слова Божия. Чтобы хорошо узнать духовный мир, в который он направляется, ему необходимо изучить Закон Божий, Символ нашей веры, Заповеди Божии. Постоянное участие в церковном богослужении, чтение Священного Писания, домашняя молитва, духовные беседы – вот средства, указанные святыми отцами для этого духовного делания.

Человек, решивший начать истинную христианскую жизнь, должен на предочистительной степени тщательно исследовать самого себя, распознать своего "внутреннего человека", выявить свои недостатки и дать надлежащую оценку своего внутреннего состояния, руководствуясь заповедями Закона Божия. Подвижник должен утвердиться в незыблемости Божественных законов и следовать им в своих добрых делах, в делах милосердия и искреннего сострадания. Только таким путём можно прийти к истинному, всеобъемлющему покаянию.

Православная церковь наставляет нас и показывает, что образы истинного покаяния содержатся в богослужениях трёх воскресных дней перед началом Святой Четыредесятницы – "десятины Господней и цвета покаяния", как называется она в народе православном.

Перед нами четыре пути покаяния: благочестивая любознательность Закхея (Лк. 19:1-10); самодовольное исповедание фарисея (Лк. 18:10-14); смиренная молитва мытаря и, наконец, решительное благоразумное обращение блудного сына, соединённое с полным самоосуждением и твёрдым намерением служить отцу (Лк. 15: 11-32). Первыми тремя идут многие кающиеся грешники: это легче и проще. Однако в таком покаянии хоть и есть и отвращение от греха, и искренность молитвы, но нет обращения, а без него нет и не может быть начала духовной жизни.

Вступая на путь духовной жизни, помилованный грешник не сразу становится человеком духовным, не сразу достигает ангелоподобного состояния: для него противостояние царству тьмы, борьба плоти и дужа только начинаются. Волны житейского моря ещё долго будут бросать его в разные стороны.

Первоначальное покаяние православного христианина, вступающего на путь духовной жизни, должно быть полным, углубленным и всеобъемлющим. В результате тщательного исследования своего внутреннего душевного состояния, он должен осудить себя, причём осудить беспощадно нещевати вины о гресех, как говорит Псалмопевец, то есть не искать оправдательных причин (Пс. 140:4). Такое покаяние подобно исповеди умирающего или человека, который исповедуется за всю жизнь, исповедуется впервые. Святитель Феофан Затворник называет такую исповедь "генеральной" и уподобляет её "омытию в бане после дороги" (Святитель Феофан Затворник. "Что есть духовная жизнь?" С. 134 и "Путь к спасению" С. 260).

"Христианин, - говорит он, - всегда в пути, и при всей осторожности не укроется от [дорожной] пыли - помыслов страстных и пятен грехопадений. Как бы ни была мала нечистота, но она тоже, что порошок в глазу или песчинка в часах - глаз не смотрит, часы не идут. Потому неизбежно перечищать себя" (Святитель Феофан Затворник. "Путь к спасению". С. 260). Так завершается предочистительный период подвижника.

В духовном делании нельзя предполагать состояния строго определённого; духовный рост не определяется временем, управляется свыше соответственно духовному состоянию подвижника, а потому и грани между степенями определить нельзя.

Человеческая природа, как известно состоит из трёх частей: *тела, души и духа*. Эти три начала существуют вместе, однако в земной жизни человека они движутся по разному, каждое начала по своей "тропинке" или по своему "ярусу", как называет пути этих начал святитель Феофан Затворник. Эти ярусы горизонтальны, в отличие от степеней, которые расположены вертикально.

1-й ярус - телесный. "Телесная, плотская, чувственная - неодобрительная в нравственном отношении жизнь, - говорит святитель Феофан Затворник, - есть та, когда человек, увлекаясь крайне животолюбием и телолубием поставляет главной для себя целью и заботой покой тела, или всестороннее удовлетворение потребностей лишь телесных с забвением о душе и тем паче - духа" (Святитель Феофан Затворник. "Духовная жизнь". С. 17).

2-й ярус (промежуточный) – душевно-телесный.

3-й – душевный. Это занятия наукой, искусством, семейная и общественная жизнь и всё, что мы называем житейским попечением. Душа в этом случае "вся обращена исключительно на устройство нашего временного земного быта. И познания её строятся на основании того, что даёт опыт, и деятельность её обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства её порождаются и держатся только из её состояний и положений видимых" (Там же. С. 31).

4-й ярус (тоже промежуточный) – душевно-духовный.

5-й ярус – духовный. "Дух, как сила, от Бога исшедшая, которую вдохнул Бог в лице человека, завершая сотворение его, – учит святитель Феофан Затворник, – ведает Бога, ищет Бога и в нём только в одном находит покой" (Там же. С. 32). Проявление жизни духа – страх Божий, совесть и жажда Бога.

"Пять ярусов, а лицо человека одно, и это одно лицо живёт то тою, то другою, то третьёю жизнью, причём прочие стороны не уничтожаются, а повинуются той, которая занимает господствующее положение и задаёт свой тон. Человек может свободно передвигаться по этим ярусам, ослабляя или усиливая то одно, то другое из трёх начал своей природы. Если человек духовен, душевность и телесность у него не исчезают, но духовность бывает господствующею, подчиняя себе и проникая собою душевность и телесность. Преобладание плотского или телесного есть греховное состояние. Преобладание духовного – норма истинной жизни человека" (Там же. С. 41-43).

Цель духовной жизни заключается в том, чтобы подчинить духу душу и плоть. По словам апостола Павла, *плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся* (Гал. 5:17). В этом противостоянии духа силам тьмы, действующим через плоть, и заключается духовное делание.

Если в предочистительный период подвижник познаёт духовное дело поверхностно, используя его как средство для самопознания, то теперь, на степени очистительной, он оупотребляет его в борьбе против "со вне полонящих душу" искушений мира, плоти и дьявола, действующих через помыслы и чувства человека.

При восхождении на "степень трудничества" у новоначального подвижника две задачи: самоисправление и противостояние силам зла, но без благодатной помощи свыше он не может духовно преуспеть. Эту благодатную помощь, как замечает преподобный Макарий Великий, подвижник получает в таинстве Покаяния, но Господь замедляет, а иногда и задерживает действие благодати, взирая на труды подвижника (Добротолюбие. Т. 1. стр. 199, п. 121).

Итак, свойственное очистительной степени духовное преуспеяние состоит, прежде всего, в чувственном и мысленном противостоянии подвижника царству зла. Здесь новоначальный подвижник упражняется во "внешних" (то есть телесных) подвигах и, таким образом, направляет свой внутренний мир к подвигам высшим, духовным, чтобы, как говорит апостол Павел, при помощи благодати утвердиться *во внутреннем человеке* (Еф. 3:16).

Одновременно с этим подвижник в состоянии трудничества (трудник) отгоняет от себя страстные помыслы. "От лежащих в душе страстей, - учит святитель Максим Исповедник, - демоны взаимствуют поводы воздвигать в нас страстные помыслы. Потом, ими поборая ум, понуждает его снизойти к соизволению на грех; победив его в этом, вводят его в грех мысленный; а по совершении сего, как пленника ведут его на самое дело греховное" (Добротолюбие. Т. 3. С. 183).

Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его, - говорит Господь (Мф. 11: 12), поэтому подвижник должен "по причине живущего в нём греха, понуждать себя на всякое доброе дело, к исполнению всех заповедей Господних. Так, например, понуждать себя к смиренномудрию, почитать себя низшим и худшим всякого, ни от кого из людей не ища себе чести или похвалы" (Преподобный Макарий. Беседа 19, 1).

Нуждение себя на добро - это одна сторона трудничества, другая - духовная брань, то есть противление демонам в себе самом. О ней говорит преподобный Макарий так: "Кто хочет истинно благоугождать Богу, и поистине возненавидеть противную [ненавистную] сторону злобы, тому должно вести брань в подвигах и борениях двоякого рода, а именно: в видимых дела мира сего удаляться от земных развлечений, от любви к мирским связям и от греховных навыков; в делах сокровенных бороться с самими духами

злости, о которых сказал апостол Павел: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6:12)" (Преподобный Макарий. Беседа 21, 1).

Святой Максим Исповедник, уподобляя очистительную степень духовной жизни первой (диаконой) степени церковной иерархии о деле трезвения говорит: "Дело диакона исполняет тот, кто намащает ум на священные подвиги и отгоняет от него страстные помыслы" (Добротолюбие. Т. 3. С. 121). Слово "намащает" имеет славянский корень "масть", то есть мазь – масло, елей. Намащивать, значит наполнять маслом, смягчать, удобрять, делать ум, пригодным для священных подвигов, то есть добродетелей, как это делает земледелец, приготавливая землю к плодоношению. Но одно удобрение или смягчение без взрыхления ничего не даст. Подобно тому, как земледелец делает усилие, взрыхляя землю: начинающий подвижник, прежде чем "намастит" свой ум должен применить принуждение, чтобы склонить себя в сторону добродетели.

Возникает вопрос: где собственно начинается и действует истинная духовная жизнь, или, точнее, духовное делание? Оно существует и действует там, и только лишь там, где есть самоисправление и противостояние царству зла. Вот к рассуждению об этом мы и приступим.

Церковнославянское слово "страсть" означает страдание, болезнь. В данном случае болезнь хроническая. Неоднократно повторяемые грех становятся привычкой, врастает в душу и, таким образом, делается второй природой, потребностью человека.

Таких духовных болезней святые отцы называют *восемь*. "Знай, – говорит преподобный Ефрем Сирианин [Сирин], – что есть восемь помыслов, которыми и производится всё худое: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, безвременная печаль, уныние, тщеславие, гордость. Они-то ведут брань со всяким человеком" (Добротолюбие. Т. 2. С. 377). Все они гнездятся внутри нас. Борьба с ними ведётся на всех степенях духовной жизни. Полного бесстрастия достигают на высшей (совершительной) степени, и достигают её немногие.

Изначально на всех степенях подвижник должен отсекал страстные

помыслы пока не искоренит страсти.

Помыслы - это средства искушения подвижника нападающего на него "князя тьмы" (дьявола).

Древние подвижники определили шесть степеней развития греховных помыслов: *прилог* (по Ефрему Сирину "приражение"), *сдружение* (по Иоанну Лествичнику "сочетание"), *страсть, борьба, пленение и соизволение* (по Иоанну Лествичнику "страсть в душе"). Святые отцы могут по разному называть их, но принцип развития и последовательность во всех едины.

1. Прилог - есть простое предложение, делаемое врагом подвижнику, например: "Сделай то и то". Так нападал искушитель в пустыне на Христа (Мф. 4:3). Прилог не зависит от нашей воли.

2. Сдружение или сочетание - есть "принятие помысла", внушаемого врагом, и собеседование с ним, происходящему по нашему произволению и с некоторым удовольствием.

3. Страсть - есть навык к внушаемому помыслу, постоянное о нём мечтание. Страстью называют самый порок, от долгого времени вгнездившийся в душу, как бы вросший в неё через навык, сделавшийся как бы природным её свойством, так что душа уже сама к нему стремится. Страсть становится потребностью человеческой природы.

4. Борьба - есть взаимное противостояние помысла и свободной воли человека при равенстве сил борющегося и боримого.

5. Пленение - есть насильственное и невольное увлечение сердца или продолжительное мысленное совокупление с предметом, разоряющее наше доброе устройство.

6. Соизволение - есть изъявление в помысле согласия на страсть, а самодеятельность - самое действие по соизволению страстного помысла (Добротолюбие. Т. 2, С. 374; Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 15, 73).

Кроме описанных выше шести видов помыслов богомудрые отцы-подвижники заметили ещё один вид. Его называют набегом мысли. Он действует мгновенно. Без слов, образов и времени он представляет подвижнику страсти. Воздвигается он из вне:

"осязанием руки, взглядом и слышанием песни без всякой мысли". Преподобный Иоанн Лествичник не решается излагать действие этого помысла, предоставляя такое изложение мудрейшим подвижникам, познавшим набег мысли на собственном опыте (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 15, 74).

Необходимо отметить, что речь идёт о помыслах страстных, греховных, внушаемых бесами, а не о всей мыслительной нашей деятельности.

О вменяемости страстных (греховных) помыслов преподобный Иоанн Лествичник рассуждает так: "Из всех сих первое (прилог) бегрешно; второе же (сочетание) не совсем безгрешно, а третье (сосложение) судится по устроению подвижающегося; борьба бывает причиной венцов или мучений; пленение же иначе судится во время молитвы, иначе в другое время, иначе в отношении предметов безразличных, то есть ни худых, ни добрых, иначе в худых помышлениях; но кто первое (то есть прилог в мысли) помышляет бесстрастно, тот одним разом отсекает всё последнее" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 15, 73).

Соразмерность покаяния зависит от обстоятельств и внутреннего состояния самого подвижника.

Укоренившиеся в душе страсти открывают доступ к ней демонам: они как вороны на падаль тянутся к ней, чуя сродный им зловонный запах греха. Вросшие в душу страсти становятся своего рода "трофеями" врага, смертоносными минами, оставшимися на полях сражений после войны. Такие "минные поля" придают врагу смелость и уверенность, если, конечно, "границы души" – ум и чувства – охраняются плохо или вообще не охраняются.

Вот почему на первой степени духовной жизни борьба с помыслами имеет очень важное значение. Страстные помыслы преследуют подвижника на всех трёх степенях совершенства духовной жизни. И чем выше степень, тем коварнее и хитрее брань. Святые отцы не велят подвижнику "беседовать" с помыслами, а советуют отсекать их сразу же после их появления.

Духовная жизнь без использования наставлений святых отцов и без руководства опытного наставника немислима. Но нигде так нас не

подстерегает опасность, как в распознавании помыслов. Преподобный Иоанн Лествичник посвятил вопросу рассудительности всю 26-ю главу своей "Лествицы". Святые отцы придают важное значение в духовной жизни откровению помыслов, особенно на первых шагах подвижничества.

Преподобный Макарий Великий предостерегает трудников очистительной степени от увлечений внешней стороной подвижничества. Такие люди часто, подобно евангельскому фарисею, превращают средство в цель и, останавливаясь на внешних подвигах благочестия, пренебрегают единым на потребу. "Может ли кто бы то ни был сказать: "Я пощусь, веду странническую жизнь, расточаю своё имение, следовательно я уже свят". Ибо воздержание от худого не есть ещё совершенство. Разве вошёл ты уже в уничиженный ум и убил змия, таящегося во глубине помыслов?" (Преподобный Макарий Египетский. "Духовные беседы". Беседа 17, 15). Дело в том, что полная гармония нашего естества, утраченная в грехопадении прародителей, достигается теперь многими трудами лишь на совершительной (таинственной) степени духовного преуспеяния, да и то не многими святыми.

Преподобный Макарий Великий и многие другие отцы Церкви, говоря о трезвении и о других подвигах, имеют в виду принципы и основы духовной жизни едиными для всех христиан, а не монахов только. Преподобный авва Дорофей замечает, что Закон Моисеев осудил грех, а Закон Христов, изложенный в Нагорной проповеди, осудил страсти, как корни греха. "Грехи суть, - самые действия страстей. Можно иметь страсти, но не действовать по ним (Поучение 1. С. 28).

Восемь вышеуказанных страстей взаимосвязаны. По преподобному Иоанну Кассиану Римлянину, излишество предыдущей даёт начало последующей - это относится к первым шести страстям (Добротолюбие. Т. 2. С. 17). Последние же две (тщеславие и гордость) от них не зависят, но соединены между собой. Каждая страсть проявляется в нескольких видах.

Во главе восьми страстей стоит *чревоугодие*. Со времени грехопадения прародителей эта страсть является началом всякого греха. Она, как и все прочие, происходит от греховного расширения

сверх меры естественных потребностей человеческой природы. *Попечение о плоти не превращайте в похоти*, - говорит Священное Писание (Рим. 13:14). После того как страсть чревоугодия завладела душой и телом человека, она становится содержанием и целью всей его жизни. Но человек призван к свободе. *Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною*, - говорит апостол Павел (1 Кор. 6:12).

По свидетельству преподобного Иоанна Кассиана Римлянина, чревоугодие выражается в трёх видах: в желании есть раньше установленного часа, в моногостии до объедения и в потребности пищи лакомой (Добротолюбие. Т. 2. С. 18).

Говоря о времени вкушения пищи, преподобный Иоанн Кассиан Римлянин имеет ввиду условия жизни монастырской, где время это определено Уставом, но самый принцип вполне применим для подвижников благочестия и в условиях мирской жизни.

Святитель Иоанн Златоуст порицает вкушение пищи в утренние часы. "Одни неразумные животные спешат наполнить своё чрево утром по пробуждении от сна", - говорит святитель.

Святая Православная Церковь установила священные времена "поста и разрешения" соответственно временам церковного года. У монашествующих количество и качество снедей строго определены монастырским Уставом.

Здесь уместно сказать ещё об одном виде чревоугодия, называемом *тайноядением*. Этот вид зарождается в младенческие годы. Из невинной детской шалости съесть что-либо тайно с годами может вырасти ужасное зло - воровство и даже уголовное преступление или, по меньшей мере, всякая мелкая ложь. В монастырях тайноядение строго запрещено и духовно наказывается; ныне в мирских семьях оно ни во что не считается: ребёнок без спросу берёт конфеты и другие лакомства.

Апостол Павел заповедует христианам: *Едите ли, пьёте ли, или [иное] что делаете, всё делайте во славу Божию* (1 Кор. 10:31). Само собой разумеется: тайноядение во славу Божию не творится. Вот почему для того, чтобы в нашем обществе были крепкие семьи, духовники, исповедуя детей, должны уделять особое внимание этому

греху.

Итак, безвременному вкушению, равно как и тайноядению противопоставляется воздержание. Хотя русское слово "воздержание" понятно каждому, в аскетике этим термином определяется прерываемое (временное) или непрерываемое (постоянное) бездействие в отношении чего-либо. В отношении пищи имеется в виду воздержание прерываемое, до определённого времени.

Второй вид чревоугодия называется *объядением*. Этот вид чревоугодия, как и прочие, можно рассматривать с двух сторон – с душевной и с телесной. Тело без физических упражнений тучнеет, становится вялым, не способным ни на какое дело. Духовная сторона заслоняется множеством попечений о чреве. Начинается животная жизнь. *Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботам житейскими* (Лк. 21:34).

Второму виду чревоугодия также противопоставляется воздержание, но уже не временное, а постоянное. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин замечает, что точно определить меру воздержания для всех невозможно, ибо у каждого человека свои особенности: один может оставаться без пищи несколько дней, а другой едва может потерпеть до вечера, поэтому "святые отцы мерою воздержания в пище положили, чтобы пищу, которую принимать заставляет нас необходимость поддерживать жизнь тела, переставали мы вкушать, когда ещё хочется есть. Судя по сему, и немощный телом может являть добродетель воздержания в совершенстве, наравне с крепкими и здоровыми" (Добротолюбие. Т. 2. С. 22).

Эта общая, употребляемая для каждого мера воздержания, заповеданная святыми отцами Церкви, подтверждается и медицинской наукой, и народной мудростью. Один из иерархов древней Руси сказал: "Воздержано пей, мало яждь – здрав будеши". Древняя школьная латинская пословица, переведённая на русский язык, гласит: "Сытое брюхо для ученья глухо". Тем более глухо оно для молитвы. Вот почему благочестивые православные христиане стараются, по возможности, воздерживаться от пищи перед всяким богослужением. В богослужебном Уставе Православной Церкви на ужин после малой вечерни сказано: "И ядим представленное нам по легку, да не отягчимся на бдение" (Типикон, глава 1).

Обличая и порицая объядение, как греховное проявление страсти чревоугодия, святые отцы-подвижники строго предостерегают молодых "ревнителей не по разуму" (Рим. 10:12) от пагубной его противоположности – самовольного "неядения" (голодания). Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин приводит следующее изречение преподобного Макария Великого: "Монах так разумно должен вести дело пощения, как бы имел прожить в теле сто лет; и так обуздывать душевные движения, – забывать обиды, отрывать печаль, ни во что не ставить скорби и потери, – как могущий умереть каждый день" (Добротолюбие. Т. 2. С. 32).

Третий вид чревоугодия есть стремление к лакомствам, называемое ещё гортанобесием. Здесь чревоугодник, пренебрегая пищей простой, недорогостоящей, стремится к наслаждению во вкусе и ставит это наслаждение целью своей всей жизни. Даже самое соблюдение установленных постов превращается в служение сластолюбию: люди богатые употребляют изысканные яства, разного рода лакомства по мере желания независимо от места и времени; люди бедные так же съедают лакомую пищу, как только она у них появляется, невзирая на время. Хочется напомнить, что речь у нас идёт не о поддержании жизненных сил, а о страсти чревоугодия; не об употреблении лучшей или худшей пищи, а о греховной роскоши.

Богослужебный устав (Типикон) вырабатывался святыми отцам в монастырях и стал со временем обязательным для всей Церкви. В этом уставе есть указание о монастырской трапезе. Указание на Типикон содержится во всех богослужебных книгах. Так в конце служб великих праздников мы читаем: "На трапезе же бывает утешение братии велие" (Цветная Триодь. Неделя Антипасхи).

Мясная пища монаху не положена (см., в частности, наставления отшельникам преподобного Антония Великого. Добротолюбие. Т. 1. С. 97). Однако в больничных условиях, где о страстях не может быть и речи, где речь идёт о восстановлении здоровья, потребного для духовного дела, монастырским уставом преподобного Пахомия Великого больничнику (старшему по больнице) вменяется в обязанность назначать болящему разную, в том числе и мясную пищу, если это необходимо для поправки здоровья (Древний иноческий устав преподобного Пахомия Великого. Правило 221. С.

141). Тот, кто гнушается мясом не ради подвига воздержания, по правилам Святой Церкви должен исправиться, иначе он отлучается от Церкви (Апостольское правило 51. Гангрского Собора правило 2).

Псалмопевец говорит: *И вино веселит сердце человека, умастит лице елеем и хлеб сердце человека укрепит* (Пс. 103:15). Из этих слов видно, что главное для человека – это хлеб. Он даёт человеку силы. Это подтверждается и в молитве на благословение хлебов на всеобщем бдении. В этой молитве сначала упоминаются хлеб и пшеница, как самое необходимое, повседневное, а затем вино и елей, употребляемые в праздничные дни. О мясе и рыбе в молитве не упоминается совсем, хотя Господь Иисус Христос вместе с хлебами благословил и рыбу. Есть молитва на благословение мяса, но читается она только в день Святой Пасхи.

Мирянину в непостное время мясо не запрещено, но это ещё не значит, что мирянам мясо положено употреблять без всякого ограничения во все скоромные дни. Мясо относится к лакомой, праздничной пище. Одно из Апостольских правил гласит: "Аще кто, епископ или пресвитер, или диакон, во дни праздников не вкушает мяса и вина, гнушаяся, а не ради подвига воздержания: да будет извержен, яко сожженный в собственной совести, и бывающий виною соблазна многим" (Книга правил. С. 21, Апостольское правило 53).

Таким образом из этого правила мы видим, что мясо и вино отнесены к трапезе праздничной; в прочие же дни они рассматриваются как лакомства, позволительные только немощным. Несвоевременное их употребление можно отнести к греху гортанобесия. Что же касается вина, то здесь возникают ещё и другие проблемы. Господь наш Иисус Христос благословил вино на браке в Кане Галилейской и возвысил его в Таинстве Евхаристии (Ин. 2:1-11; Мф. 26:27). Спирт, составляющий основу вина, издревле и до наших дней употребляется в медицине и как лечебное средство. Но спиртные напитки, употребляемые сверх меры, приносят огромный вред. Чрезмерное их употребление рассматривается как чревоугодие в самом худшем смысле: оно особенно разжигает блудную страсть; ведёт за собой и другие страсти, разрушает телесную и душевную природу человека и делает его жалким пленником и пожизненным рабом тёмной силы.

Его воля окончательно поражается и становится неспособной ни к какому противостоянию. Враг делает с таким человеком что хочет.

В Апостольские времена появились разного рода секты, которые, видя такую силу зла в пьянстве, измыслили лжеучение, по которому вино и мясо, якобы сотворил "бог тьмы". Против них и создано вышеприведённое 53 правило святых апостолов.

Православное отношение к пьянству хорошо выразил святитель Иоанн Златоуст: "Вино - дело Божие, а пьянство - дело дьявола, не вино производит пьянство, а воздержание. Не поноси творение Божие, а порицай безумие раба" (Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 2. С. 12).

Такова страсть чревоугодия. "Если хочешь препобедить чревоугодие, - говорит преподобный Ефрем Сирий, - возлюби воздержание, имей страх Божий, - и победишь" (Добротолюбие. Т. 2. С. 377).

Следует заметить, что всякая страсть, доведённая до высшей степени, отдаёт человека в рабство тёмной силы - в пьянстве это особенно заметно.

Итак, противопоставляя чревоугодию воздержание во всех трёх видах этой страсти, подвижник, таким образом борется с помыслами и искушениями от мира, плоти и дьявола. Здесь необходимо заметить, что под словом "воздержание" надо понимать не святость, не совершенство, а путь к совершенству, путь не лёгкий, продолжительный, занимающий всё время духовной жизни подвижника, - как говорит преподобный Макарий Великий (Творение преподобного Макария Великого. Беседа 17, п. 15).

По свидетельству святых отцов-подвижников, вторая погубляющая душу страсть - страсть *блудная*, которой противостоит целомудрие. Святые отцы трактуют слово "целомудрие" как целоумие, то есть не расхищенный ум, и мы должны рассматривать и понимать целомудрие в строгом и широком смысле: и как воздержание, и как девство.

Умертвите уды ваша яже на земле: блуд, нечистоту, похоть (Кол. 3:5). На основании этой апостольской заповеди святые отцы разделяют блудную страсть на три вида: блуд естественный, совершаемый между мужским и женским полом (прежде всего

имеется в виду сожителство вне церковного брака, либо супружеское соитие во время постов), затем блуд противоестественный: это блуд однополый и с ним прочая несистота этого рода со всеми сатанинскими ухищрениями, которые называют в наше время "прогрессивными", но о которых, как учит святой апостол Павел, *срамно и говорить* (Еф. 5:12), и, наконец, блуд мысленный. Здесь надо понимать не просто помысл блудный (пролог), воздвигаемый демонами, и даже не страсть, лежащая в душе и дремлющая (Добротолюбие. Т. 3. С. 183); это блуд, совершаемый "умом и сердцем", как говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (Добротолюбие. Т. 2. С. 19). К этому виду можно отнести и словоблудие, и смакование сквернословием, и блудные песни. Это высшая степень порочного состояния: человек становится рабом блудной страсти, также как пьяница или курильщик.

Противостоять блудной страсти необходимо всем: и людям, состоящим в церковном браке, и монахам. В чине венчания есть такие слова: "о еже податися им (супругам) целомудрию и плоду чрева на пользы; о даровании им ложа нескверного" (Чин венчания). Святой апостол Павел пишет Коринфянам: *Жена своим телом не владеет, но муж: такожде и муж своим телом не владеет, но жена. Не лишайте себе друг друга, точию по согласию до времени, да пребудете в посте и молитве: паки вкупе собирайтесь, да не искушае вас сатана невоздержанием вашим* (1 Кор. 7:4-5). Временное воздержание в пище, положенное Церковью в дни поста и покаяния, распространяются и на супружеское общение. Апостол, как мы видим, не нашёл целесообразным полное воздержание супругов, которое изобрели "ревнителю не по разуму". В юном возрасте такое "мнимое подвижничество" приносит лишь разжжение похотей, тщеславие и соблазны.

Итак, церковнославянское слово "целомудрие", состоящее из двух частей - "целость" и "мудрость", означает цельность мышления. Блудника можно назвать легкомысленным духовным бродягой. Целомудренный же человек - это человек собранный, целеустремлённый, уравновешенный, благоразумный, непорочный и чистый от телесной скверны. Вот такое целомудрие, понимаемое в широком смысле, противопоставляется страсти блуда. "Целомудрие

состоит не в том только, чтобы воздерживаться от блуда и от плотских удовольствий, но чтобы свободным быть от прочих страстей. Корыстолюбец, сребролюбец, любостяжатель - не целомудренны. Как один пленяется телесной красотой, так этот [другой] - деньгами; и последний в большей мере не целомудрен; потому что не имеет равного с первым побуждения, которое бы нудило его требованием самой природы. Страсть к деньгам не естественна, и побуждения к оной заключаются не в природе нашей, но в превратном произволении; потому кто добровольно преодолевается оной, тот грешит непростительно" (Ефрем Сирийский. Добротолюбие. Т. 2. С. 400).

Из этого ясно видно, что целомудрие и девство - понятия неодинаковые: целомудрие есть добродетель (вернее комплекс добродетелей), а девство есть одно из средств достижения целомудрия. Люди, склонные обращать средство в цель, делают то же самое и в отношении девства; мало того, эти люди не только смешивают эти два понятия, а даже ставят телесное девство во главе всех христианских добродетелей. "А если видимо соблюдаешь тело своё от растления и блуда, внутренне же ты любодействовал и творил блуд в помыслах своих, то прелюбодей ты перед Богом, и не принесёт тебе пользы девственное тело твоё", - учит преподобный Макарий Великий (Добротолюбие. Т. 1. С. 218). "Девство потому и хорошо, - говорит святитель Иоанн Златоуст, - что оно отклоняет всякий повод к излишней заботе и доставляет полный досуг для богоугодных дел; так что если этого нет, оно бывает гораздо хуже брака, нося в душе терние и заглушая чистое небесное семя" (Сочинения Иоанна Златоуста. Т. 1. Кн. 1 "Слово о девстве". С. 366).

Истинное целомудрие также немислимо там, где свободно действуют прочие страсти.

После чревоугодия и блуда на третье место святые отцы обычно ставят *сребролюбие*.

Страсть эта названа потому, что она начинается привязанностью к деньгам. Сами по себе деньги употребляются как средство приобретения необходимого, но в случае пристрастия к ним составляют начало "стяжания". Самая же сущность этой страсти - любостяжание, то есть желание приобретать, копить и умножать.

Апостол Павел называет сребролюбие корнем *всех зол* (1 Тим. 6:10). Страсть эта разновидна. Преподобный Иоанн Лествичник именует сребролюбие "тьмоглавым бесом" и называет девять его греховных проявлений: ненависть, хищение, зависть, разлучение, вражда, смущение, злопамятство, жестокость и убийство (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 16, 1; Ст. 17, 14).

Сребролюбие есть поклонение идолам, дочь неверия, извинение себя своими немощами, предсказатель старости, предвозвестник голода, гадатель бездождия. Сребролюбец есть хулителъ Евангелія и добровольный отступник" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 16, 2-3).

Сребролюбие, как говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, "чуждо и несвойственно нашей природе", ибо оно "приходит совне, навязывается душе позднее". В монахе оно поражается от "худо положенного отречения от мира" (Добротолюбие. Т. 2. С. 44). Другие святые отцы говорят о сребролюбии шире: применительно ко всем христианам, не разделяя их на монахов и мирян.

Сребролюбие проявляется в трёх видах: "В первом оно не даёт отрекающемуся от мира обнажиться от всякого имущества; во втором оно заставляет того, кто всё уже раздал бедным, снова приобретать такое же имущество; в третьем оно разжигает желание к приобретению и того, кто ничего прежде не имел" (Преподобный Кассиан Римлянин. Добротолюбие. Т. 2. С. 19).

Все мы знаем, что враг рода человеческого везде действует тем же способом, каким действовал в раю: он никогда не говорит открыто с человеком, свободным от его пленения. Он прельщает лишь тех, кто ему предан добровольно, прочим же он или нагло лжёт, или предлагает грех под видом добродетели - "яд на сахаре". Когда подвижник, не полностью отрекшись от мира, приходит в монастырь, то он приносит начатки греха сребролюбия в самом себе, подобно евангельскому юноше. Демон сребролюбия "рисует" ему картины "чёрного дня", болезни в будущем, старость, скудость монастырских условий жизни - питания, одежды и прочие неудобства.

Если принять во внимание полуобщезительные монастыри нашего времени, где всё, кроме пищи и жилья, монах должен приобретать на

собственные средства, добывая эти средства частным трудом, не выходя за ограду монастыря, или при помощи родных, живущих в миру, то получается та же чрезмерность, порождающая страсть сребролюбия. Вершина этой страсти - любостяжание.

Всё это поддерживает в монастырях не полное отречение от мира, которое имеет в виду преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (Добротолюбие. Т. 2. С. 44, 67), и умножает страсть сребролюбия.

Преподобный Нил Синайский рассуждает о видах сребролюбия более широко: он говорит одновременно и о любостяжании, и о противостоянии этой страсти. "Поведение наше относительно стяжаний троякое: нестяжательность высшая и средняя, жизнь овеществившаяся, многостяжательная". Происхождение их таково: высшая нестяжательность была в раю. Первозданному в раю было сказано: *Вот Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; - вам сие будет в пищу* (Быт. 1: 29). Основным источником питания были плоды Древа Жизни; да и сама питательная растительность, не заражённая ещё грехом, была иная; когда же человек по грехопадению был изгнан из рая, ему в пищу назначен был хлеб, добываемый в поте лица, и тем положен был "предел любостяжания и суетности". Это Божественное определение стало нормой, необходимой для существования. *Имея пищу и одежду, тем довольны будем*, - говорит Священное Писание (1 Тим. 6:8).

Таким образом раскрылись три порядка жизни: одни углубились в упование на Бога, ревнуя о возвращении райской нестяжательности, отреклись от всякого стяжания и были питаемы Богом, как например, Илия, Елисей, сыны пророческие, Иоанн Предтеча, апостолы; другие довольствовались скромным стяжанием "в поте лица добывая хлеб", уповая на Бога; третьи углубились во всякого рода труд и сделали труд основанием своей надежды. Последние не только довели любостяжание до высшей степени, но и самый труд открыто объявили творцом человека. Труд создал человека, - стали утверждать они, - а человек создал Бога. Этими словами можно выразить кредо материалистов всех категорий.

Для тех, кто живя в миру, избрал душевно-телесный образ жизни, связанный с многопопечительностью, многозаботливостью, духовная

жизнь становится невозможной из-за нехватки времени. "А если и найдёт возможность изредка делать это между многих дел, то как принесёт он Владыке чистое моление, когда мысль его не отрешена от того, о чём он имеет много заботы и попечения?" (Добротолюбие. Т. 2. С. 249).

Любостяжание в наши дни проникло везде, даже туда, где ему никак не должно быть места. Особая опасность его в том, что оно быстро и незаметно превращает человека-христианина в торговца, который не творит, а продаёт добро.

На всех степенях духовного преуспевания сребролюбие, так же как и чревоугодию, противопоставляется воздержание, в данном случае нестяжание и нерасточительность. "Если хочешь победить сребролюбие, - говорит преподобный Ефрем Сирин, - возлюби нестяжательность и нерасточительность" (Добротолюбие. Т. 2. С. 377).

В числе восьми страстных помыслов, производящих всё худое, святые отцы-подвижники ставят на четвёртом месте гнев. Эта греховная страсть, как и все упомянутые выше, рождается в нас от злоупотребления естественными потребностями нашей природы. В сравнении с прочим страстями гнев имеет некоторые особенности.

Вы слышали, что сказано древними: "не убивай, кто же убьёт, подлежит суду". А Я же говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему "рака", подлежит синедрionу, а кто скажет "безумный", подлежит геенне огненной (Мф. 5:21-22). Ветхозаветный закон запрещал и осуждал грех в его действиях; основы греха - мыслей и чувств он не касался. Господь Иисус Христос в своей Нагорной проповеди усовершенствовал закон, углубил его, наполнил его новым смыслом. Об этом Он провозгласил в начале самой проповеди: *Не думайте, что пришёл нарушить закон или пророков; не нарушать пришёл Я, но исполнить (Мф. 5:17).* Углубляя и расширяя предписание закона Мосеева о запрещении убийства, Господь осуждает самый корень греха - гнев, со всеми его последствиями.

Размышляя над словами Спасителя, можно сказать, что есть три вида гнева: мысленный, словесный и превращённый в страсть, то есть

такой, который становится потребностью, переходит в злопамятность. Как и всякая страсть, этот вид гнева производит пагубное наслаждение. Нередко страсть гнева выражается в злорадстве, злоехидстве. Одержимый страстью гнева человек наслаждается скорбями, болезнями и страданиями людей вообще. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин пишет, что есть три вида "гнева: первый тот, который пылает внутри; второй тот, который прорывается в слово и дело; третий тот, который горит долгое время, и называется злопамятством" (Добротолюбие. Т. 2. С. 19).

Неискушённые в духовной жизни люди часто ошибочно полагают, что гнев – это не очень большое зло: вспылит, извинился, и всё в порядке, а иные не находя нужным даже извиниться, думая: "Дело житейское, мало ли что бывает..." Однако это далеко не так. Гнев – это дело демоническое, дьявольское.

Возникновение и развитие гнева очень ясно описывает преподобный авва Дорофей, показывая пути развития этой страсти с самого начала: "Кто разводит огонь, тот берёт сначала малый уголёк: это слово брата, нанесшего оскорбление, если ты перенесёшь это слово, то ты и погасил уголёк" (Преподобный авва Дорофей. Слово 8, С. 118). Преподобный авва Дорофей уподобляет гнев древесным углям. Костёр гнева, разжигаемый с обеих враждующих сторон, пылает. По прекращении вражды, он гаснет. Оставшиеся уголья остывают, сохраняя свою природную силу возгорания, даже и в том случае, если их зальют водой. Высохшие, они снова легко воспламеняются. Так и гнев, если во время не получит укрощения, очень легко снова овладевает душой человека, превращается в страсть. "Если же будешь думать: "зачем оон это сказал? Когда так, и я ему скажу то и то" – вот ты и подложил лучинки и произвёл дым, который есть смущение. Смущение есть то движение и возбуждение помыслов, которое воздвигает и раздражает сердце. А раздражение есть отмстительное восстание на опечалившего. Если будешь продолжать возмущать и раздражать себя, то уподобишься человеку, подкладывающему дрова в огонь, от чего образуется пламень огненный, – и это есть гнев" (Там же).

Исследуя сущность восьми страстных помыслов, мы замечаем, что каждая страсть имеет свою особенность, но гнев особо выделяется из

всех страстей. Так чревоугодие духовно усыпляет человека и делает его неспособным к духовной жизни; блуд расшатывает, дезорганизует духовное состояние; сребролюбие лишает упования и создаёт самонадеяние и т. д. Но если эти и другие страсти, доведённые до высшей степени своего развития, становятся духовными идолами, то гнев подводит одержимого им человека к самой близкой границе царства тьмы.

Ни одна из вышеупомянутых страстей не удаляет так человека от Бога, как гнев. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин называет гнев смертоносным ядом (Добротолюбие. Т. 1. С. 21).

Вот почему Спаситель в своей Нагорной проповеди так строго осудил гнев в самом его корне – помысле (Мф. 5:24). Отсюда следует, что гнев есть прямое непосредственное проявление зла в падшей природе человека.

Гнев проявляется в злословии (оскорбительные и презрительные выражения), сквернословии и клевете (измышление и распространение о несуществующих порочных действиях ближнего), в осуждении (заочное злословие), а также в необоснованном укорении и порицании. Следует заметить, что исправление грешника: будь то поучение, увещание, обличение только тогда не греховны, когда они делаются с кротостью, любовью. *Аще и впадает человек в некое прегрешение, вы духовнии исправляйте такового духом кротости: блюдыи себе, да не и ты искушен будеши. Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов* (Гал. 6: 1-2).

Гнев, как и другие страсти, разрушает общее состояние "внутреннего человека". Человек, одержимый страстью гнева не может стяжать (приобрести) правильного различия добра и зла и остроты досточтенного созерцания (то есть богомыслия). Смертоносный яд гнева ослепляет око ума пагубным мраком; он не может поэтому и обладать зрелостью совета; он не может держаться неуклонно правды, ни даже воспринимать истинный духовный свет; он не может сделаться причастником истинной мудрости; не может достигнуть жизни долговечной, ибо *гнев губит и разумных* (Притч. 15:1), не может быть спокоен от тревог и смущений, хотя бы от других людей вовсе не было бы беспокойства.

Масленный гнев, как первая стадия помысла на уровне приражения (или, по Лествичнику, прилога), обычно возникает вне нас, извне, как реакция на неприятные явления: словесные оскорбления, обидные действия и разного рода неприятности. Далее гнев воздвигается демонами на основании страсти, уже лежащей в душе или просто по произволению демонскому. Если этому прилогу мы не противопоставим молитву и не станем заниматься богомыслием, то незаметно перейдем в следующую "фазу" гнева: в сдружение (сочетание) с помыслом. В процессе такого сочетания возникает раздражение, или по выражению преподобного аввы Дорофея, "отмстительное восстание на опечалившего брата" и дерзость: это уже сосложение с помыслом (соизволение с ним), "изъявление в помысле согласия на страсть" и, наконец, "самое действие по соизволению страстного помысла" (Добротолюбие. Т. 2. С. 374). Гнев вступает тогда в свои права: раздражение становится "острожелчием" (постоянная раздражительность), и самый гнев становится страстью, перерастает в злопамятность и, если нет в нас молитвенного противостояния этому, наступает фаза (состояние) пленения - "принуждённое невольное увлечение сердца преобладаемого предубеждением и долговременной привычкой" (Там же).

Такова страсть гнева. *Гневаетесь и не согрешайте. Яже глаголите в сердцах ваших, на ложах ваших умилились* (Пс. 4:5). *Солнце да не зайдет во гневем вашем ниже дадите место диаволу* (Еф. 4:26).

Господь призывает нас погашать гнев входящий, то есть гнев наших ближних, воспринимаемый нашими пятью чувствами, и всячески удерживать гнев, исходящий от нас во внешний мир. Такое духовное делание соответствует первой степени совершенства духовной жизни (степени духовного преуспевания). На следующих степенях подвижнику предстоит трезвение - многолетний, тяжкий, очень сложный труд - постоянная борьба со страстями, вплоть до полного изгнания их из глубины души, чего достигают очень немногие.

Преподобный авва Дорофей советует гасить входящий гнев молчанием, молитвой и поклоном, то есть взаимным примирением двоих враждующих, однако по наущению врага такое примирение не всегда возможно. Молитва же плодоносна только после искреннего

примирения. И в молчании человек нередко не может избавиться от скрытого гнева. "Кто обличаемый в пороке молчит, тот скрывает в сердце своём памятозлобие, а кто защищается (или сознаётся) с кротостью и мирно, тот не памятозловив", - говорит преподобный Ефрем Сирий (Добротолубие. Т. 2. С. 403). И в то же время молчание есть первейшее средство от гнева. "Если не можешь терпеть, молчи и успокоишься" (Там же).

Есть ещё один вид гнева - вспыльчивость. Люди вспыльчивые сильны в злословии, но гнев их бывает кратковременным. Люди обычно всегда добры и отзывчивы. Придя в себя, они искренне раскаиваются и нередко впадают в противоположную крайность: они готовы бывают "осыпать золотом" обиженного. Такой гнев, хотя и небезгрешен, однако нельзя назвать его грехом "к смерти". Он неприемлим для священнослужителя или для духовного начальника, поскольку превращает пастыря Христовой Церкви в барина-самодура.

Бывает ещё гнев нереальный (фантастический), когда злой или вспыльчивый человек, не имея физической возможности излить своё настроение, начинает при помощи фантазии мысленно издеваться над ненавистным ему человеком или над своим обидчиком: он мысленно бьёт его, издевается. Тот как будто бы плачет, умоляет о помиловании, а помысел шепчет: "Так, так его!". И злой человек наслаждается страданием своей жертвы, и вдруг приходит в себя и плачет, но уже не фантастически, а реально.

Всякий гнев, если дать ему волю, доводит человека до самых страшных злодеяний. Оставленный надолго в душе, он продолжает расти и развиваться в нас.

Аз же глаголю вам, - говорит Спаситель, - всяк гневайся на брата своего всуе, повинен есть суду (Мф. 5:22).

Отцы Церкви считают дозволенным гнев только против дьявола и гнев кающегося грешника на самого себя и на свои грехи.

Противостояние гневу - это стяжание духа кротости, который, как говорит нам Православный катехизис, есть "тихое расположение духа, соединённое с осторожностью, чтобы никого не раздражать и ни в чём не раздражаться".

Теперь следует сказать нам о пятой страсти - *печали*. "В пятой брани

предлежит нам отбивать остны всепожирающей печали", – говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (Добротолюбие. Т. 2. С. 63). В современном русском языке слово "печаль" определяет невесёлое настроение, но в Священном Писании и творениях святых отцов это слово имеет более глубокое значение. Слово это славянское. По-гречески оно звучит как "%Г[merimn%]ǎ" и включает в себе понятие "забота", и отсюда слово "печаль". Но обратимся к Священному Писанию.

В шестой главе Евангелия от Матфея мы читаем: *Сего ради глаголю вам: не пецываетеся* (греч. "%Г[merimnate%]") *душею вашею, что ясте, или что пиете: ни телом вашим во что облицетеса* (Мф. 6:25). Не пецываетеся, то есть не заботьтесь. Христос говорит: *Марфо, Марфо, печешисся* ("%Г[merimnaz%]" – заботишься) *о мнозе* (Лк. 10:41).

Третья часть "Херувимской песни" звучит так: "Всякео ныне житейское отложим попечение" (в греческом оригинале слово "попечение" читается как "%Г[merimn%]ǎ". В старопечатном тексте читается "отложим печаль".

Попечения или же заботы Господь не возбраняет, если они умеренны. Если же наши попечения становятся целью жизни, потребностью нашей природы, то доведённые до крайности они переходят в страсть, которая в аскетике называется страстью "безвременной печали". Её итог - вечная погибель.

Святые отцы говорят об этой страсти мало, а если и говорят, то применительно к монашеской жизни. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин называет два вила печали: "Первый - что посещает по прекращении гнева, или причиняется нанесёнными убытками и потерями, и неисполнением желаний; второй происходит из опасений и страхов за свою участь, или от неразумных забот" (Добротолюбие. Т. 2. С. 19).

Преподобный Нил Синайский называет печаль "унылостью души", которая "бывает следствием гневных помыслов, ибо гнев желает отмщения; неуспех в отмщении порождает печаль" (Добротолюбие. Т. 2. С. 253). Преподобный Иоанн Лествичник рассуждает о печали как о суетном мире, лежащем за монастырской оградой. "Кто возненавидел мир, – говорит он, – тот избежал печали. Если же кто

имеет пристрастие к чему-либо видимому, тот ещё не избавился от неё; ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи?"

(Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 2, 7). В дни преподобного Иоанна Лествичника такое суждение было вполне целесообразно: тогда от мира можн был уйти. В наши дни идти некуда. Об этом с прискрбием говорили Оптинские старцы ещё в начале двадцатого столетия (Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни). Если в дореволюционной России в монастыри шли люди, хотя и с недостатками, характерными для своего сословия: дворянское легкомыслие, купеческая кичливость, мещанская суетливость, крестьянское невежество, но воспитанные в традициях русского Православия, то в наши дни идут туда люди новобращённые, порой мало осведомлённые о самых простых основах Православия, правда, с искренним желанием оставить лежащий во зле мир, а это бывает очень трудно для людей, неутверждённых в Истине. Для большинства же современных людей состояние, определяемое древне-аскетическим понятием "безвременная печаль", в наши дни стало всеобщей страстью.

Суета сует, - сказал Екклессиаст, - суета сует всё суета. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?" (Еккл. 1:1-2). Эту идею выразил ветхозаветный праведник, всемирный мудрец, богатейший во всех отношениях блистательный сын Давидов, царь Соломон. В 12-ти главах своей книги премудрый писатель дал описание всем сторонам жизни в этом падшем мире, объяснение чему можно найти лишь в действиях Промысла Божия. *Всего насмотрелся в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живёт долго, долго в нечестии своём* (Еккл. 7:15). Такова картина падшего мира. В наши дни мир этот остаётся таким же, если не хуже. *По причине умножения беззакония во многих охладает любовь, - сказал Господь* (Мф. 24:12). Возлюбленный ученик Христов "апостол любви" святой Иоанн Богослов, как бы вторя Екклессиасту, в первом своём Соборном послании пишет: *Не любите мира, ни того, что в мире* (1 Ин. 2:15-16).

После всего сказанного ясно, что "безвременная печаль" есть полный комплекс житейских попечений, хлопот и всякого рода житейской

суеты и томления духа: мнительность, дух необоснованной боязни, подозрительность, самовнушение, самонадеяние, суеверие, а главное, недостаток веры в помощь Божию и надежды на милость Божию. Таким образом, вера Божия подменяется неверием или двоеверием, а упование на Бога самонадеянностью и лжеупованием.

Но есть "печаль" (попечение) богоугодная: она состоит в покаянии и самоукорении. *Печаль бо яже по Бозе покаяние нераскаянно во спасение соделывает, а сего мира печаль смерть соделывает* (2 Кор. 7:10). Однако, и здесь должно соблюдать умеренность, ибо неумеренная печаль может стать унынием, а затем перейдёт в отчаяние.

Священное Писание и отцы Церкви в качестве противостояния этой греховной страсти ("печали сего мира") называют от речение от мира и монашество. Но об этом у нас будет речь ниже.

Рассматривая духовную жизнь в широком всеобъемлющем смысле, мы должны ответить на вопрос, что делать и с чего начать отказ от "житейских попечений"?

Внемлите же себе да некогда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими (Лк. 21:34). Человек, подверженный заботам суетного мира, идёт путём душевно-телесным: духовной стороне здесь места нет совсем вообще, на прочих путях начинается раздвоенность, то есть служение двум господам – Богу и маммоне, что, как известно, невозможно (Мф. 6:24). Вот ответ на поставленный нами вопрос. Начинать отказ от "житейских попечений" надо с внутрененного внимания, постепенного настраивания на духовную жизнь. Тогда можно, как говорит преподобный Нил Синайский, соединить "союзом мира сущую в тебе триицу (то есть дух, душу и тело)" (Добротолюбие. Т. 2. С. 255).

Шестое место среди восьми страстей занимает *уныние*. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин говорит, что "эта страсть (которую греки называют "%Г[axidia%]" и которую мы можем назвать унынием, скукой или тоской сердечной) сродна печали, испытывается наипаче странствующими по пустыне иноками, и есть неприязненный враг пребывающих в уединении" (Добротолюбие. Т. 2. С. 67). Здесь тоже можно усмотреть три степени роста уныния: тоска, скука и самое

уныние, как укоренившаяся страсть независимо от внешних причин. Тоску сердечную, возникшую от внешней, часто уважительной причины, а также скуку (от безделья или от разлуки с близким) можно (хотя не оправдывая) "ивинить", ибо это ещё не страсть, то самое уныние является страстью в полном смысле этого слова. Уныние становится, как и всякая страсть, потребностью одержимого ею. "Если крайним предлогом уныния считается то, - говорит преподобный Иоанн Лествичник, - когда кто в покое, по сему не имеет терпения, то верхом терпения справедливо называется то, если человек, находясь в утеснении, считает себя имеющим отраду" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 29, 10).

Уныние проявляется в двух видах: погружает в сон и гонит из келии. Так говорит об унынии преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, имея в виду, как и многие святые отцы, условия жизни монашеской. Мы можем на основании святоотеческого определения говорить об унынии действенном (активном) и об унынии бездейственном (пассивном). "Келия для монаха то же, что для корабля порт приписки. Она есть тихое и безопасное приситанище его среди бурного моря суетного мира, мира, который, проникая в ограду обители, успешно действует и там. Картины воображения прошлой мирской жизни и метастазы побеждённых страстей гонят подвижника, предоставляя ему множество колоссальных духовных успехов за стенами монастыря, когда уныние упадёт на бедную душу инока", - говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (Добротолюбие. Т. 2. С. 67).

Преподобный Нил Синайский называет уныние "изнеможением" души (Добротолюбие. Т. 2. С. 257).

Уныние обычно начинается с недовольства, а недовольство - там, где кончается неудачей "житейское попечение". Уныние сродно печали (Добротолюбие. Т. 2. С. 671). Уныние возникает и в монастырской, и в мирской жизни. В монастырях оно обычно проявляется, когда юный подвижник, недовольный своим преуспеянием, стремится к большему или терпит скорби и разного рода напасти. Враг соблазняет его сменить худшее на лучшее. В мирской жизни этот "действенный вид уныния" проявляется в частой смене работы, места жительства, условий жизни. На Святой Руси противостояли этому и жили по

пословицам: "Где родился, там и пригодился", "С кем венчаться, с тем и кончаться".

Страсть уныния отличается от прочих тем, что она мучает душу постоянно. В прочих страстях, поработающих человека, пленник получает хотя бы мнимое удовольствие; уныние же терзает душу с самого начала. "Каждая из прочих страстей, - говорит преподобный Иоанн Лествичник, - упраздняется (истребляется) какой-либо противоположною ей добродетелью; уныние же для инока есть всепожирающая смерть" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 13, 9).

Уныние бездейственное, или, как его называют сонное; монаха погружает в сон главным образом во время молитвенного правила, как говорит преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 13, 7-8, 11 и 13). Враг действует здесь хитростью: удерживая подвижника в стенах келии, он под видом покоя погружает его в сон и преподносит ему через сновидения, в помыслах, картины лучшей жизни.

Два вида уныния, описанные преподобным Иоанном Кассианом Римлянином, это ещё только начало искушения, точнее помысл в стадии "прилога" (приражения), мысленная брань. Такой вид искушения ведом всякому, хотящему *благочестно жити о Христе* (2 Тим. 3:12). О происхождении самой страсти уныния мнений много. Её считают или индивидуальной особенностью личности, или состоянием, предваряющим психическое расстройство, или "плодом воспитания", "забитостью" с детства, или просто самовнушением, вошедшим в привычку.

Мы считаем, что самовнушение, вошедшее в привычку, полагает начало этой страсти, но развивается он прежде всего от недостатка живой веры и несомненной надежды на помощь свыше. Волны житейского моря, воздвигаемые ветрами искушений от мира, плоти и диавола, несомненно имеют большое значение в возбуждении и развитии этой страсти. Она так сильна и губительна, что святитель Иоанн Златоуст считает её худшей самого демона (Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. Кн. 1. К Страгирию подвижнику. Сл. 2. С. 193-220).

Святые отцы-подвижники на основании Священного Писания и

личного опыта противопоставляют этой страсти "псалмопение с рукоделием" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 13, 14).

Но борьба с ней бывает иногда очень трудной по попущению Божию. "Уныние, - говорит преподобный Иоанн Лествичник, - есть расслабление души, изнеможение ума, пренебрежение постнического подвига, ненависть к своему обету, ублажительница мирских, оболгательница Бога, якобы он не милостив и не человеколюбив" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 13, 2).

Вот почему святые отцы предпочитают всему рукоделию, как средство борьбы с этой пагубной страстью, особенно в начале её возникновения. Дело в том, что демон уныния, действуя в данном случае через помысл ("прилог"), понуждает подвижника под благовидными предложениями к более активному деланию за стенами келии и за оградой монастыря.

Подвижник благочестия, - будь то монах или мирянин, - подвизаясь за рукоделием, побеждает врага, ибо он хранит полученные от Бога дары и воздерживается от всего, что греховно. Ведь человек создан для того, чтобы возделывать, хранить и воздерживаться (Быт. 2:15-17). Но всё это полезно, пока страсть ещё не застарела.

Снова обратимся к Священному Писанию. *Тако ли не возмогосте единого часа пободрствовать со Мною*, - сказал Спаситель своим ученикам, которые заснули во время Его молитвы в Гефсиманском саду. *Бдите и молитесь, да ни внидите в напасть: дух бо бодр, плоть же немощна* (Мф. 26:40-41). Естество человеческое не в силах бороться с силами царства зла своими духовными силами. Святые апостолы просили о молитвенной помощи даже после снисхождеия на них Святого Духа: *Молитесь о нас, уповаем яко добру совесть имамы во всем, добре хотящи жити* (Евр. 13:17).

И рече Бог: не добро быти человеку единому на земле; сотворим ему помощника по нему, говорит слово Божие (Быт. 2:18). Применяя эти слова к монашеской жизни в общежительном монастыре, преподобный Иоанн Лествичник утверждает, что "общежитие противно унынию, а мужу, пребывающему в безмолвии, оно есть всенгдашний сожигатель" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица.

Ст. 13, 4). Из всего вышеизложенного следует вывод: правильная и спасительная духовная жизнь в одиночестве без помощи опытного руководителя или поддержки сподвижника невозможна.

В монастырях, благоустроенных в духовном отношении, издревле установлено откровение помыслов: там, где этого нет, коварный враг легко может свить гнездо для уныния даже в условиях общежития.

Как и другие страсти, уныние может возникнуть не только на почве немощи духа, но и на почве телесно-душевного утомления: такое уныние не вменяется в грех, если оно не пойдёт дальше.

"Естественное уныние, - говорит Варсонофий Великий, - бывает тогда, когда человек трудится выше силы своей и понуждается ещё более прибавить себе труда; и так образуется естественное уныние от бессилия телесного" (Варсонофий Великий. Вопрос 559). "Сие случается с нами потому, что мы более походим на озеро, чем на источник, то есть немощны, а не сильны пребывать всегда в одинаковом положении. Впрочем, зависит сие иногда и от воздушных перемен и увеличения дней; совершенные же отцы не подвержены тому" (Там же. Вопрос 449).

Наконец, есть ещё один вид уныния, который можно назвать "искусственным". Он создаётся самими унывающими без всяких искушений. Происходит это от праздности. "Крайним пределом уныния считается, когда кто и в покое, ко всему не имеет терпения" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 29, 10), кому всё кажется противным. Они постоянно жалуются на свою "горькую судьбу", не имея на то причины, а лишь по выработанной привычке и, таким образом, заражают окружающих своим унынием. Однако оно называется крайним пределом этой страсти, ибо человек здесь как бы принуждает себя унывать и это переходит в привычку. Крайним пределом здесь названо лишь начало страсти уныния: такое состояние, когда грех переходит в привычку.

Что же мы можем противопоставить этой страсти? Как всегда ответ будем искать в Священном Писании: *Радуйтесь всегда о Господе: и паки реку: радуйтесь. Кротость ваша разумна да будет всем человекам. Господь близ. Ни о чем же пецйтесь, но во всем молитвою и молением со благодарением прошения ваша да скажутся к Богу: и мир Божий, превосходяй ум, да соблюдет*

сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе и далее Сия творите: и Бог мира будет с вами (Флп. 4:4-7, 9). В этом апостольском наставлении заключается вся сущность противостояния унынию, этой "всепожирающей духовной смерти", как называет его преподобный Иоанн Лествичник (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 13, 9). Речь идёт не о бессмысленной радости, а о радости христианской, радости "о Господе". Апостол говорит, что кротость христианина должна быть известна всем окружающим, и вся вообще жизнь должна изобиловать добродетелями достославными и доброхвальными даже у язычников. И вот тогда *мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе* (Флп. 4:7). В условиях падшего мира своими силами мы этого сделать не сможем, поэтому апостол заповедует: *Не заботьтесь ни о чём, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои прошения пред Богом* (Флп. 4:6).

О седьмой греховной страсти, которая называется *тщеславием*, или *славолюбием*, Господь наш Иисус Христос сказал так: *Когда творишь милостыню, не труби перед собою, так делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы их прославляли люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне: и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6:2).

Преподобный Иоанн Лествичник говорит: "Кто покусился бы пространно о сем преме (тщеславии) любомудрствовать, уподобился бы человеку, который все старается определить вес ветров" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 1). Тщеславие он именуется "расточением трудов", "похитителем душевных сокровищ", "исчадием неверия", "предтечей гордости", "потоплением в пристани" и "муравьём на гумне", который хотя и мал, однако, расхищает всякий труд и плод. "Муравей ждёт собрания пшеницы, а тщеславие - собрание богатств: ибо тот радуется, что будет красть, а сие, что будет расточать" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 2).

"Тщеславие есть начало гордости. Различие между ними такое же,

как между отроком и мужем, ибо тщеславие есть начало, а гордость – конец" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 1).

Как солнце сияет для всех, так и тщеславие "радуется о всех добродетелях. Например: тщеславолюсь, когда пощусь; но когда для утаения поста своего, разрешая на брашно, то паки яко мудр тщеславолюсь. Одевшись в светлую одежду, побеждаюсь тщеславием, и в худую переодевшись, паки тщеславолюсь. Говорить ли стану, тщеславием побеждаюсь: молчать ли буду, паки оным победился. Как троерожец сей не поверни, все одной спицею станет кверху" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 5). Тщеславие, хотя и разнообразно, но главных имеет два вида: плотской вид, когда человек превозносится своими плотскими преимуществами (видимыми вещами), и духовный вид, когда человек "воспламеняется желанием суетной славы из-за духовных предметов" (Добротолюбие. Т. 2. С. 19). Итак, что же есть тщеславие? Тщеславие есть осуществление человеческого эгоцентризма, или другими словами, "самости", когда человек воспаляется желанием быть центром всего, ставит это целью жизни. Таким образом, здесь все дороги и тропинки ведут к месту начала первородного греха – к Эдему, где было сказано змеем жене: *Будете яко бози, ведуще добрая и лукавая* (Быт. 3:5).

Тщеславие многообразно: это и любостяжание, и знаменитость в области науки, искусства и другие преимущества, но всё это не больше, как средства, способствующие тщеславию. Тщеславие, доведённое до состояния страсти, становится потребностью такой же, как и алкоголь.

Направление тщеславия можно определить по пяти известным нам уже ярусам жизни каждого человека. Человек душевно-телесный обуреваются плотским тщеславием, а духовный – духовным. Душевно-телесное тщеславие к тщеславию духовному никакого отношения не имеет, ибо, как говорит Священное Писание, *душевный человек не приемлет яже от духа Божия: юродство бо ему есть* (1 Кор. 2:14).

На страсти тщеславия построен, в частности, атеизм, потому что на место Бога в нём ставят человека. Тщеславие в жизни духовной нередко сопровождается лицемерием. Это обычно бывает тогда, когда хотят создать ложное (показное) благочестие там, где нет или

недостаточно благочестия истинного. Тщеславие очень опасно в духовной жизни, потому что люди, тщеславящиеся дарованиями, которые они считают своими, а не Божьими, считают, что они делают добрые дела бескорыстно, а на самом деле ради тщеславия, чем наносят вред окружающим, порой вызывая в них зависть.

Коварство духов тьмы и их козни в отношении святых подвижников часто описаны в житиях святых. Например, великий светильник земли Российской святой праведный Иоанн Кронштадтский совершал свой подвиг, не замечая своих благих дел, как и должно. Слава его росла, но вместе с ней росло и множество превратных мнений о нём. Дело дошло до того, что возникла ересь иоанитов, которые почитали праведного Иоанна явившимся Христом. Узнав об этом, он был очень огорчён. Вот почему святые подвижники наши ничего так не боялись, как расширения славы: и старались принимать со своей стороны все меры против этого. Но в том-то и дело, что очень трудно и даже не всегда возможно избавиться от этой опасности. Преподобный Иоанн Лествичник замечает, что враг здесь действует через людей-льстецов и даже непосредственно сам (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 11).

Противостояние этой коварнейшей страсти – дело сложное и нелёгкое. "Святым и преподобным свойственно выслушивать похвалы без вреда", – говорит преподобный Иоанн Лествичник (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 29, 11). А что же прочим людям? "Когда, противоборствуя причинам страстей, препобедишь их, не позволяй величать тебя лукавому помыслу, чтоб, поверив ему, не впасть тебе в прелесть; но старайся лучше увидеть недостатки в том, над чем потрудился, чтоб преуспевание твоё не было окрадено внутренними врагами", – говорит об этом преподобный Нил Синайский (Добротолюбие. Т. 2. С. 262).

При этом преподобный Иоанн Лествичник наставляет (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 26): "Есть слава от Господа, ибо сказано в Писании: *Прославляющие Мя прославлю* (1 Цар. 2:30); и есть слава, которая происходящая от диавольского коварства. *Горе бо вам, егда добре рекут вам вси человецы* (Лк. 6:26)".

Итак, только к славе от Господа мы должны стремиться. "Приидите, любящие Небесную Славу", – призывает нас Церковь (тропарь по 4-й

кафизме).

Отче, прииде час, прослави Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тя (Ин. 17:1). Такими словами начал Свою Божественную молитву Господь наш Иисус Христос на пути в сад Гефсиманский. Здесь мы слышим о той славе, которая свята. К ней должны мы всеми силами стремиться, и в этом весь смысл нашей духовной жизни.

Преподобный Иоанн Лествичник свидетельствует, что некоторые из отцов Церкви, в частности святитель Григорий Богослов, тщеславие от гордости не отличают: они считают тщеславие началом гордости. Но сам преподобный Иоанн, более придерживаясь мнения святителя Григория Богослова, в своих рассуждениях уделяет внимание отдельно и тщеславию, и гордости (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 1).

О том, как рождена была восьмая страсть - гордость, говорит Священное Писание: *Вы будете как боги, ведущие доброе и лукавое* (Быт. 3:5). Так обещал нашей праматери Еве в Эдеме древний враг рода человеческого. "Гордость есть отвержение Бога, бесовское изобретение, презрение человеков, мать осуждения, исчадие похвал, знак бесплодия души, отгнание (то есть отрицание) помощи Божией, предтеча умоисступления, причина беснования, источник гнева, дверь лицемерия, твердыня бесов, грехов хранилище, неведение сострадания, противник Богу, корень хулы" - так определяют гордость святые отцы Церкви (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 23).

Гордость - это отрицание всякого вообще авторитета от Божеского до человеческого; безусловная самоуверенность и самонадеянность, своеволие и любоначалие, безумное стремление к независимости. В гордости, как в фокусе сосредоточено всё зло.

Характерная особенность гордости, отличающая эту страсть от других, состоит в том, что эта страсть, заражает и портит все добродетели, подобно тому, как ложка дёгтя портит бочку мёда.

Как и все страсти, гордость также имеет степени роста: "Начало гордости - корень тщеславия; середина - унижение ближнего, бесстыдное проповедование чужих трудов, самохвальство в сердце (внутри) и ненависть обличения; а конец - отвержение Божией

помощи, упование на своё тщеславие и бесовский нрав" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 22, 2). Размышляя об этой страсти, мы должны постоянно помнить о святоотеческом её определении.

Вся еже в мире сем, - говорит Священное Писание, - похоть плотская и похоть очима, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть (1 Ин. 2:16).

Гордость бывает плотской и духовной. Первая относится к плотским достоинствам человека, которыми он гордится и присуща новоначальным. Духовная гордость опаснее плотской и она поражает совершенных. "Кем овладеет гордость, - говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, - тот унижительным для себя считает соблюдать какие-то правила и послушания. [...] Один из юных иноков, когда авва укорял его, зачем он оставил смирение, которое являл несколько времени по отречении от мира, начал надмеваться в диавольской гордостью, с крайним высокомерием ответил ему: разве я для того несколько времени смирял себя, чтобы навсегда быть подчинённым? При этом столь необузданном и преступном ответе, старец так остолбенел от изумления, что речь его прервалась, как будто он услышал такие слова не от человека, а от самого древнего Люцифера" (Добротолюбие. Т. 2. С. 89-90). Такова первая степень роста и развития гордости. Отцы называют её "плотскою гордостью". Идя далее путём гордости в условиях жизни иноческой, человек начинает преувеличивать свои духовные успехи и, искушаемый демонами, впадает в "прелесть" (самообман), а затем в "исступление ума" (умопомешательство) и в вечную погибель.

Гордость в жизни монаха подобна огню в сухом сене, она очень быстро погубляет его подобно тому, как огонь моментально сжигает сухое сено. Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что "гордый монах не имеет нужду в бесе: он сам сделался для себя бесом и супостатом" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 23, 32).

Чаще всего в жизни мирской гордость не порицается, а приветствуется. В светском обществе, как замечает святитель Феофан Затворник, всем заправляет эгоизм и лицемерие (Духовная жизнь. С. 12). Святитель Иоанн Златоуст в обличительном слове "К верующему отцу" в защиту монашества говорит: "И не только то

ужасно, что вы внушаете (детям) противное Заповедям Христовым, но и то ещё, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободой, славолубие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством" (Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 1. С. 92). Ясно, что в таких условиях гордость занимает самое почётное место; её называют "достоинством", "самоуважением всякого порядочного человека" и т. д. В такой атмосфере люди, *хотящи и благочестно жити о Христе* (2 Тим. 3:12) как бы задыхаются. Но если бы только это! Вдыхая этот заражённый воздух, человек духовно "угорает" и, удаляясь от мира в монашескую жизнь, он уносит этот угар туда. Там он заражает им сподвижников. И потребуется немало усилий и времени, чтобы избавиться от этого угара.

Тонкие нити гордости проникают даже в самую молитву, даже в молитву благодарственную, и она становится фарисейской – такой, о которой сказано в Евангелии (Лк. 18:11). Человека призывают к смирению, он смиряется, но гордится своим смирением. Например, от людей нецерковных и от мирян можно улышать: "Мы гордимся своей Православной верой, своими родителями, своим Отечеством". Преподобный Иоанн Лествичник считает, что если человек отрицает свою гордость, этим самым доказывает, что он горд (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 23, 14).

Гордости противостоит смирение. При этом должно отличать вообще всякое смирение от *смиреномудрия*. Для успешной борьбы с гордостью мы имеем вполне достаточное наставление в Священном Писании и святых отцов Церкви. Чтобы всегда мы имели сознание своего недостойнства и смирение, Иисус Христос говорит: *Тако и вы, егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17:10). "Нет у тебя ничего доброго, чего не принял бы ты от Бога", – говорит преподобный Нил Синайский (Добротолюбие. Т. 2. С. 268).

В чём же все-таки состоит истинное смирение? В Священном Писании мы находим ответ на этот вопрос. Накануне Великого поста Святая Церковь предлагает нашему вниманию следующее

наставление Спасителя: *Егда поститесь, не будьте якоже лицемери сетующе, помрачают бо лица своя, яко да явятся человеком постящися: аминь, глаголю вам, яко восприемлют мзду сию. Ты же постяся, помажи главу твою, и лице твое умый: Яко да не явишия человеком постяся, но Отцу твоему иже втайне: и Отец твой, видяй втайне, воздаст тебе яже* (Мф. 6:16-18). Многие в наши дни понимают покаяние и пост, как понимали его фарисеи, но не такого понимания ждёт от нас Господь. Всегда радоваться в молитве о Господе призывает нас апостол Павел (Флп. 1:4).

Истинному христианину свойственны благодушие в связи с успехами в духовной жизни, радость об истине, о добрых делах. "Сетей этого непотребнейшего духа можем мы избежать, если о каждой из добродетелей, в которых чувствуем себя преуспевающими, будем говорить с апостолом: *не аз, но благодать Божия яже со мною, - и: благодатию Божию есмь, еже есмь* (1 Кор. 15:10), - и: *Бог естестводействующий в нас, и еже хотети и еже деяти о благоволении* (Флп. 2:13)", - говорит преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (Добротолюбие. Т. 2. С. 85).

Итак, рассматривая учение о трезвении подробно и всесторонне, мы видим, что основы его изложены в Священном Писании, которое истинно и непреложно. *Аще мы или Ангел с Небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1:8). Но возвратимся снова к степеням духовной жизни (духовного преуспеяния) применительно к монашеской жизни.

Применяя степени духовного преуспеяния, начертанные святыми отцами Церкви преподобными Максимом Исповедником, Макарием Великим и святым Никитой Стифатом к трём чинам монашеского образа, можно соотнести третью степень (таинственную) с великим ангельским образом - с великой схимой, вторую (просветительную) - с мантией, первую (очистительную) - с рясофором.

Проходя предочистительную степень, будущий подвижник должен изучить и оценить основные свойства духовной жизни; испытать свои способности к несению иноческого делания; проверить своё отношение к греховному миру, который должен навсегда оставить; вникнуть в сущность самого монашеского чина. Проходя испытание в обители, послушник может возвратиться в мир, если он окажется

неспособным к монашеству, – на то испытание и дано. Такие примеры в истории монашества были, но они не могут быть примерами для подражания. Однако начинающий подвижник твёрдо должен знать, что после пострига в рясофор возврата в мир нет. Расстриженный инок есть духовный бродяга, и может таковым остаться на всю жизнь, хотя имеет возможность раскаяться и всё начать снова по усмотрению духовного начальства. Здесь следует предостеречь и напомнить слова Спасителя: *Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадёжен для Царствия Божия* (Лк. 9:62).

На первой степени совершенства (очистительной) в монашеском образе стоят новоначальные подвижники, вводимые благодатью Святого Духа в священные подвиги, в частности, через измождение плоти (речь здесь о юношеском возрасте физически здорового подвижника); удаление от всего, что возбуждает страстные помыслы; благоустройство нрава (характера); очищение ума от всякой скверны. Часто юные по возрасту подвижники, пренебрегая вышесказанным, стремятся к большим подвигам, руководимые иногда тщеславием. Они берутся за легко и просто исполнимые так называемые "телесные добродетели": многодневный голод, лежание на голой земле, нехождение в баню, всенощное стояние на молитве, сухоядение и пр. (Добротолюбие. Т. 2. С. 370).

Однако всякое подвижничество полезно в меру и своё время. Не ко времени исполняемое оно может расстроить и телесное здоровье инока или, того хуже, духовное и превратить его в фарисея, заслонить *единое на потребу*. Упражняясь в них, юный подвижник не замечает, что его "внутренний человек" остаётся таким же, каким был прежде: он не очищается. Старец Оптиной пустыни преподобный Варсонофий так учил новоначальных иноков: "В церковь ходите обязательно, и всегда до начала первыми старайтесь придти. Утренняя – одно из самых трудных установлений монастырской жизни, зато и имеет великую силу. За пятисотицу держитесь, как за столб, в ней великая сила. Всегда аккуратно ходите к трапезе, ибо Господь благославляет скудную пищу и делает её вкусной. За трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, *необходимые впоследствии* (курсив автора), для вас совсем необязательны" (Иеромонах Никон

(Беляев). "Дневник последнего духовника Оптиной пустыни". С. 9).

Преподобный Макарий Великий, обращаясь к монашествующим, поучение своё относит и к мирянам. Подвижник первой степени духовной жизни должен "нудить" себя на добрые дела любви и милосердия, которые являются отличительными признаками христианства.

На второй степени совершенства духовной жизни трезвение расширяется вглубь. Если на предыдущей степени была борьба с демонами, действующими через помыслы и искушения, то начинается делание по искоренению страстей, лежащих во глубине души, чем прокладывается путь к бесстрастию - к "небу на земле", как называют это состояние святые отцы.

Духовное делание подвижника, если оно не освернено тщеславием и лицемерием, срастворяется благодатной помощью свыше. Именно поэтому преподобный Макарий Великий называет вторую степень духовного преуспеяния "состоянием приивших действительность Духа" (Добротолюбие. Т. 1. С. 223). Господь сказал: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15:5). Достигший этой степени подвижник "просвещает свой ум познанием Сущего и уничтожает лжеименные знания" (Добротолюбие. Т. 3. С. 181). После очищения духовной скверны к трезвлению присовокупляется так называемое аскетическое богословствование. Здесь начальное богопознание, приобретённое на предочистительной степени, углубляется до состояния внутреннего богомыслия. Кроме того подвижник должен приобрести знания, необходимые для борьбы с лжеименными учениями противников Православного вероучения.

Дело в том, что наряду с помыслами страстными, собственно греховными, враг воздвигает помыслы богохульные; от этих помыслов не застрахован даже отшельник, не говоря уже о подвижнике, живущим среди людей. Знание догматов необходимо как для борьбы с лжеименными знаниями, так и с богохульными помыслами, воздвигаемые врагом.

Святитель Кирилл Иерусалимский говорит: "Для жизни благочестивой необходимо то и другое: благочестивые догматы и добрые дела. Догматы без добрых дел не угодны Богу и дела без

благочестивых догматов не приемлются Богом. Что пользы, например, знать хорошо догматы и срамно любодействовать, или, напротив, быть вполне целомудренным и нечестно хулить. Посему, великое приобретение есть изучение догматов, и потребна для сего трезвенная душа" (Святитель Килилл Иерусалимский. Огласительное поучение 4. С. 43).

В наш век существует мнение, что нравственность вне религии; но это не совсем так. Всякая нравственность основана или на философии, или на богословии. Нравственность, основанная лишь на философских началах, безблагодатна. В дни земной жизни Спасителя в Палестине было две религии: иудейская и языческая. Господь наш Иисус Христос в своей Нагорной проповеди сказал: *Слышали вы что сказано древним: "не преступай клятвы, но исполняй пред Богом клятвы твои". Я говорю вам: не клянитесь вовсе (Мф. 5:33-34) и далее: молясь не говорите лишнего, как язычники (Мф. 6:7).*

По мере обретения личного опыта в духовной жизни инок может стать наставником. По благословию вышестоящих старцев он может и должен поучать новоначальных подвижников, а для этого он сам должен хорошо знать Священное Писание и учение святых отцов Церкви. *Что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить, -* говорит апостол Павел (2 Тим. 2:2).

Просветительной степени достигают подвижники, "действием священных подвигов преуспевшие в *первом* (курсив автора) *бесстрастии*", как пишет преподобный Никита Стифат. В конце половины поприща второй степени (а иные в самом конце степени) они начинают овладевать состоянием начинающегося бесстрастия, когда страсти начинают уменьшаться, слабеть. Этой степени свойственно говорит он: "водворение в уме образа здравых словес, то есть здравых на все воззрения и причастия Духа Святого. Дело её (просветительной степени) – очищение ума действием Божественного Огня, [...] а конец – слово премудрости, уясняющее всё сущее и бывающее, ведение божественных и человеческих вещей и откровение тайн Царствия Небесного" (Добротолюбие. Т. 5. С. 152).

Высшую степень духовного совершенствования, как уже было сказано выше, называют совершительной или таинственной. Она

определяет вещи, близкие по своей высоте к вещам Горнего Мира, почему достигают её очень и очень немногие. Здесь в меру возможности духовный подвижник достигает полного бесстрастия. В его естестве водворяется полная гармония, – состояние, называемое святыми отцами "союзом трёх богословских добродетелей": веры, надежды и, в особенности, любви. "Любовь, бесстрастие и сыноположение различаются между собой только названиями, – говорит преподобный Иоанн Лествичник, – как свет, огонь и пламень соединяются в одном действии, так должно рассуждать и о сих совершенствах" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 30, 9).

Трезвение на высшей степени определяется понятием "ведения, разбора и отложения духовной брани", то есть – завершением всей духовной борьбы. *Будьте совершенны как Отец Ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5:48), – сказал Господь. Слова эти, сказанные смертным людям (а не ангедам), следует понимать однозначно утвердительно. Присносущный Свет на Фаворе был явлен апостолам (вернее ещё ученикам Христа) на очень короткое время. Падшее естество человека, облечённое в тленную "одежду" – плоть, не в состоянии ощутить и полностью воспринять Невечерний Присносущный Свет Горнего Мира, исходящий от Лица Божия, как не выносит невооружённый глаз света солнечного. *Лица Моего невозможно тебе видеть, потому что не может человек увидеть Меня и остаться в живых*, – сказал Господь Моисею (Исх. 33:20). Ветхозаветные и новозаветные праведники получали откровения в особых видениях, ибо *Бог во свете живет Неприступнем. Его же никто не видел есть от человек, ниже видети может*, – говорит Священное Писание (1 Тим. 6:16).

Подвизающемуся Господь может даровать такую великую милость, что он может достичь состояния неизреченного блаженства, о котором преподобный Макарий Великий, уподобляя путь духовного совершенства 12-ти ступенной лестнице, говорит так: "Когда человек дойдёт до 12-й ступени, благодать начинает действовать слабее и человек нисходит на одиннадцатую ступень. Если оставить его так, он не смог бы принять на себя Домостроительства слова, и какого бы иного бремени, но только стал бы сидеть в одном углу в восхищении и

как бы в упоении. По сему-то совершенная мера и не дана ему, чтобы он мог заниматься попечением о братии и служением слову. До ныне я не знаю ни одного человека-христианина совершенного или свободного. Поелику в иные времена сам я доходил до этой меры, то доведася и сам, почему нет совершенного человека" (Беседа. 8, 4. С. 70). Преподобный Макарий, отвечая на вопрос учеников, на какой степени находится он сам, излагает вкратце состояние достигаемого совершенства: "Благодать так действует и умиляет все члены и сердце, что душа от великой радости уподобляется незлобивому младенцу, и человек не осуждает ни эллина, ни иудея, ни мирянина, ни грешника, радуется душа о целом мире и всемерно желает чтить и полюбить всех" (Там же).

^ Глава III. Духовная жизнь и внешний мир

(Труд, как средство, определяющее наше отношение к внешнему миру)

*"И взял Господь Бог человека,
которого создал, и поселил его
в саду Эдемском, чтобы
возделывать и хранить его"*

(Быт. 2:15-18)

Определение – воздерживаться, возделывать и хранить, данное людям Богу ещё в раю, легло в основу святоотеческой науки, которую мы называем аскетикой. Когда человек согрешил и утратил возможность непосредственного богообщения, возникла необходимость молитвы. Всесте с трезвением (воздержанием) и трудом (возделывания и хранения внешнего мира), она доныне является основанием (фундаментом) духовной жизни человека. Труд мы будем рассматривать в аспекте аскетическом, как средство, определяющее наше отношение к внешнему миру.

Аскетический труд есть непрерывное созидание Царства Божия в душе подвижника по мере его внутреннею благодатного духовного преуспеяния. Таким образом, молитва, трезвение и труд связаны между собой органически, как ветви единого древа духовной жизни.

Создавая человека по образу Своему с потенциальной возможностью богоуподобления, Всемогущий Творец всячески одарил его возможностью творчества. Совершенствуясь и восходя в Боге от силы в силу, человек должен был при помощи благодати Божией, совершенствоваться и окружающую его видимую тварь. Всяким нашим прикосновением к внешнему миру, к одушевлённой и неодушевлённой твари мы выражаем своё отношение, которое должно быть пронизано бескорыстной любовью, согревающей, питающей и одухотворяющей его. Труд с таким отношением к миру – это такая же потребность для человека, как воздух, свет и пища. Живоносные плоды добродетели, приобретённые подвижником в результате духовно-нравственного преуспевания, одухотворяют мир вокруг него. "Стяжи в себе мирный дух, и тогда вокруг тебя спасутся многие", – говорил преподобный Серафим Саровский.

Труд внутреннего внимания (духовное самовоспитание) и труд внешний (соприкосновение с внешним миром) – это вещи хоть и разные, но взаимосвязанные. Первый действует в "малом мире" (внутри человека), а второй во внешнем мире.

Собственно, видов труда два: умственный и физический, но и они, в свою очередь, имеют множество разновидностей, которые все и не перечислить.

В греческом языке понятие "труд" выражено тремя терминами: "%Г[doulia%]" – работа, труд рабский; "%Г[хоро_ks%]" – труд неопределённый, кропотливый, но бесплодный; "%Г[ergosia%]" – "делание", труд созидательный. Так употреблены эти термины в Священном Писании: термин "%Г[doulia%]" – *Не можете Богу работати* (выделено автором) и мамоне (Мф. 6:24); термин "%Г[хоро_ks%]" – *Приидите ко мне вси труждающиеся* (выделено автором) и обременени, и Аз успокою вы (Мф. 11:28) и ещё – *Наставниче, об ноць всю труждшеся*, (выделено автором) *ничесоже яхом: по глаголу же Твоему ввергну мрежу* (Лк. 1:5); термин "%Г[ergosia%]" – *Отец мой доселе делает, и Аз делаю* (Ин. 5:17).

Древний мир знал три рода обязанностей: обязанность раба, обязанность наёмника и обязанность сына. Раб трудится из страха. Наёмник, чтобы получить блага. Сын трудится в доме отца своего,

потому что любит его.

Раб трудится из страха, потому что он подневольный, его купили. За бездействие или плохое действие его накажут или уничтожат. Наёмник свободен, но он продаёт свой труд (и даже самого себя), чтобы приобрести блага временные или вечные. Сын трудится в доме отца земного или Отца Небесного, потому что он есть сын: он любит отца, и чем больше его любит, тем усерднее трудится. Для него делание есть воздух, питание и всё, без чего нет жизни в живых существах. Сын не работает и не трудится, а делает в доме отца.

Итак, мы видим три побуждения: страх, выгода и любовь. Раб и наёмник – оба рабы: один невольный, а другой добровольный. *Страха несть в любви, но совершенна любви вон изгоняет страх: яко страх муку имать: бояйся же не совершится в любви* (1 Ин. 4:18). Господь сказал иудеям: *Раб же не пребывает в дому во век: сын пребывает во век* (Ин. 8:35). У наёмника действует расчёт, а у Отца Небесного – благодать и милосердие.

Преподобный Макарий первую степень совершенствования духовной жизни называет "труднической", ибо здесь требуется большое усилие со стороны подвижника: он должен усиленно побуждать себя на дела добрые и усиленно сопротивляться искушениям зла. От подвижника требуется осмотрительность; он не должен увлекаться внешностью и "книжничеством". "Особенно из числа таких внешне исправных, выделяет святой Макарий книжников, которые из книг и разговоров узнали в чём дело и толкуют о нём, но за самое дело не берутся; почему отстают в духовном ведении даже от невежд и самое толкование их бывает неистово" (Добротолюбие. Т. 1. С. 219).

Совершая своё духовное самовоспитание, подвижник влияет и на внешний мир, подвигая его к Царствию Божию. Здесь степень "трудническая" выражается в воспитании самого внешнего труда, в приведение его в состояние, соответствующее цели самой духовной жизни подвижника. Восходя постепенно к совершенству, подвижник здесь вырабатывает в себе способность согревать и жить всякую тварь внешнего мира, чтобы, достигнув третьей степени духовного совершенствования, он мого бы достойно возделывать и хранить мир Божий.

На первой степени духовной жизни, в труде, как монашеском, так и мирском, совершенна необходима бескорыстная помощь друг другу, и особенно старым и немощным. *Должны есмы мы сильнии немощи немощных носити, и не себе угождати* (Рим. 15:1).

Принято думать, что доброделание и любовь – это почти одно и то же, потому что доброделание есть средство выражения любви, но это только кажется: на самом деле это не совсем так. Любовь и доброделание – вещи разные. Доброделание может быть и "казачное", и подневольное (рабское), и лицемерное (ради тщеславия) или, наконец, внешнее (для самолюбования). Врач, например, может не любить больного, но лечить его, потому что это его профессия. Он может любить свою профессию, но не любить того, кого лечит.

Милосердие без сострадания – пустой звук. Сердце милующего страдает всякой твари. "Возгарание сердца у человека о всём творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них, очи у человека источают слёзы, от великой и сильной жалости, объёмлющей сердце. И от великого терпения умалается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А по сему, и о бессловестных, и о врагах истины, и о делающих ему вред, ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились и очистились; а так же и об естестве пресмыкающихся молится с великой жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его по уподоблению в сем Богу" (Исаак Сирийский. Слово 48. С. 205-206).

Следует отметить, что в юношеском возрасте физический труд бывает особенно полезен, потому что он снимает избыток энергии. Труд сам по себе, является жизненно необходимой потребностью всех живых одушевлённых существ, как воздух и питание. Даже неодушевлённые предметы приходят в негодность от бездействия. "Нет подлинно ничего в мире, что не портилось бы от бездействия. Так вода стоячая загнивает, текущая и всюду разливающаяся сохраняет свою доброту; и железо, лежащее без движения, становится слабее и хуже и точится большой ржавчиной, а находящееся в деле, становится полезнее и красивее, блистая несколько не хуже всякого серебра; и земля, остающаяся в покое, как

всякий может видеть, не произраждает ничего хорошего, но дурные травы, терние, волчцы и бесплодные деревья, а получающая возделывание, обильно производит питательные плоды. Вообще сказать, всякое существо от бездействия портится, а от свойственной ему деятельности становится полезнейшим" (Святитель Иоанн Златоуст. Творения. Т. 3. С. 189).

Возрастая, развиваясь и совершенствуясь, аскетический труд в духовной жизни выражает внутреннее состояние подвижника, так сказать, состояние его "внутреннего человека". От степени этого состояния зависит качество самого аскетического труда. "Если ты раб, бойся побоев; если наёмник, жди награды; но если ты сын, делай в доме Отца, потому что хорошо повиноваться Отцу", - говорят святые отцы.

Любовь рабская, по повелению господина, наёмническая купля-продажа земного счастья и Небесного блаженства - это не степени восхождения, нет, и даже не ярусы духовного состояния; это тернии и волчцы на пути духовном; это - формы противостояния царства тьмы. Эти искушения встречают подвижника с первых шагов его духовного пути, поэтому он должен сразу же начать борьбу с ними. Рабский страх должен переродиться в страх Божий, а Божий страх - это не страх наказания, а страх любви, которая боится оскорбить возлюбленного. Такой страх, страх Божественный заповедует нам святой апостол Павел в послании к Ефессянам: *Жена да боится [своего] мужа* (Еф. 5:33).

За время прохождения первой степени подвижник должен подготовиться к достойному принятию благодатной помощи свыше, которую, по мере своего духовного роста, начинает ощущать уже в конце этой степени.

Вторую степень преподобный Макарий называет состоянием "приявших действенность Духа". Здесь благодатная помощь от Бога начинает раскрываться шире и сильнее: эта степень называется просветительной. "Дело пресвитера исполняет тот, кто просвещает ум познанием Сущего и уничтожает лжеименное знание" (Добротолюбие. Т. 3. С. 181). На второй степени подвижник начинает богословски рассуждать. Труд его, как физический, так и умственный, соединяются с молитвою и доброделанием. Умственный

труд здесь надо понимать в смысле богословствования: творчество на основе богомыслия. Труд этот должен быть пронизан истинной умносердечной молитвой, молитвой, свойственной второй степени духовного преуспеяния. Всё это совершается в духе истинного смиренномудрия опять же при благодатной помощи свыше. Духовные наставления здесь приносят благодать по мере преуспеяния. Истинный христианин-подвижник, достигнув духовного преуспеяния, не может замкнуться в скорлупе самодовольства: он знает притчу Спасителя о талантах. Однако здесь его подстерегает соблазн, в данном случае соблазн "учительства", от которого один шаг к тщеславию, властолюбию, презрению и гордости. Если подвижник чувствует призвание к этому труду, то он должен ещё на предпочтительной степени обратить особое внимание на эту сторону своего духовного делания.

Особенность труда просветительной степени совершенствования духовной жизни в том и заключается, что труд здесь неразрывно связан с молитвой и особенно доброделанием. Если на первой степени физический труд связан с самопринуждением, то здесь, в конце концов, он становится потребностью доброделания. Если там отделён от словесной молитвы по времени её совершения, то здесь он соединяется с молитвой.

Так, с помощью благодати Божией, понимаясь по ступеням духовного восхождения, подвижник приближается к высшей степени совершенствования духовной жизни.

Третья степень называется таинственной или совершительной, потому что она вводит подвижника в Тайны Горнего Мира в пределах возможного совершенства. Это совершенство подобно видению Фаворского света. Как мы знаем из Священного Писания, на Фаворе было знамение милости Божией: апостолы не были к ней подготовлены, почему и не способны были к *восприятию Царствия Божия, пришедшего в силе* (Мк. 9:1). Тайны Горнего Мира так велики, что даже в пределах чудесного Откровения апостолы могли созерцать Фаворское явление только на короткое время. *Видим бо ныне якоже зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу: ныне разумею от части* (1 Кор. 12:13).

Признаком третьей степени духовной жизни по свидетельству отцов

Церкви, являются: духовная молитва, ведение (опыт), разбор и отложение внутренней духовной брани, умный труд. Таким образом, если присовокупить ещё состояние блаженного бесстрастия, изображённое преподобным Иоанном Лествичником (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 29), то внутренний духовный мир подвижника третьей степени можно назвать состоянием, граничащим с Горним Миром, или, по выражению преподобного Иоанна Лествичника, – "небом на земле" (Там же).

Подвижник, достигший высшей степени совершенства в трезвении, как мы уже видели, теперь становится в совершенстве способным к духовному руководству других молодых подвижников благочестия. Если на второй степени труд подвижника состоял в "переложении всякого, в том числе и умственного труда, молитвой и доброделанием" (приготовление самого себя к будущему наставничеству); то теперь, "дело сей степени – исполнять зрителя таких предметов – ум ведением путей Промысла, законов правды и истины, и разрешения гаданий, притч и темных словес Божественного Писания. Конец же – тайноводствовать того, кто столь усовершен, к сокровенным тайнам Божиим, исполнять его неизреченной премудростью, чрез сочетание с ним Духа, и в великой Церкви Божией являть его мудрым богословом, прсвещающим людей богословскими поучениями" (Добротолюбие. Т. 5. С. 152).

Таким образом, на высшей степени духовного роста, аскетический труд подвижника достигает цели своего назначения в отношении к внешнему миру – духовного руководства, называемого *старчеством*.

По свидетельству преподобного Макария Великого, непрерывного состояния полного духовного совершенства здесь на земле не бывает. Состояние благодатного духовного совершенства даётся Богом человеку за его труды, чтобы он мог продолжить своё служение (Преподобный Макарий Великий. "Душевные беседы". С. 70-71).

^ **Послесловие**

(Духовная жизнь и её реальность в наши дни)

Читая и исследуя Священное писание и аскетическую литературу древних святых отцов Церкви и позднейших её учителей, мы неизбежно приходим к следующему выводу: прежде чем стать

христианским подвижником, нужно начать деятельную христианскую духовную жизнь, которая, в сущности, и есть аскетизм. Реальна ли в наши дни духовная жизнь? И если да, то в какой мере? Этот вопрос часто ставился в этой книге, его нередко задают наши современники. Как мы уже знаем, начинается духовная жизнь с созидания Царствия Божия сначала внутри, а потом и во вне себя.

Наше время можно сравнить с четвёртым веком, когда Церковь, получившая свободу, хотя и относительную, широко раскрыла свои врата, и множество новообращённых верующих, ищущих *Царства Божия и правды Его* (Мф. 6:33), стали пополнять лоно Церкви. Что-то подобное происходит и в наши дни: такие же новообращённые (по крайней мере, лучшие из них), как первохристиане, не имея ни христианского воспитания, не зная основ православной веры, так же наполняют наши храмы, а ищущие совершенства идут в монастыри, уцелевшие от разорения и возрождающиеся из руин.

Нам не ведомы пути Промысла Божия: как Господь поведёт наше русское иночество, но на сегодня в этой области утешительного пока очень мало. Вся беда в том, что у нас сильно нарушены основы традиционной монашеской приемственности, между тем монашеская жизнь, как средство осуществления жизни духовной, по учению святых отцов и учителей Церкви есть самый верный и надёжный путь ко спасению. "Всё житие монашеское, - говорит преподобный Иоанн Лествичник, - содеожится в трёх главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в том, чтобы безмолвствовать с одним или двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 1, 26). Так образовалось три типа подвижников, ведущих монашескую жизнь: отшельники, келлиоты и киновиты (общежительные). Отшельники жили в пустынных келлиях одни, келлиоты по два-три в келлии, а киновиты - в одном доме, по несколько человек в каждой келлии. На основе этой святоотеческой идеи возникли два типа монашеской жизни: киновиальный (общежительный) и идиоритмический (своекошный). В настоящее время, согласно Положению об управлении Русской Православной Церковью, все монастыри являются общежительными. Единого общемонастырского Устава пока нет. Правящие архиереи на

основании существующих древних святоотеческих Уставов создают в своих епархиях уставы местного значения или благословляют правила, ещё не написанные, но сложившиеся на местах.

Издревле в Русской Православной Церкви действует, в частности, один из общежительных Уставов – Устав преподобного Феодора Студита (Студийский). В соответствии с ним протекает монастырская жизнь, в которой основу составляет разумное сочетание молитвы, трезвения и труда. Отречение от мира здесь проявляется везде и всюду. Если разумно пользоваться Студийским Уставом, то его можно назвать идеальным.

На Руси между тем, наряду с монастырями общежительными, существовали и полуобщежительные.

Семидесятилетнее гонение, воздвигнутое на Православную Церковь в двадцатом веке, породило в нашей стране несколько видов подвижничества *немонастырского*. Сюда относятся: тайнопострижники, "белое иночество" (непостриженное монашество), трудовое подвижничество (добротворчество трудовое) и полумонашеские трудовые общины мирян (те, кто живёт без пострига, но по-монашески). В наши дни путь таких подвижников очень сложный и по большому счёту небезопасен. Лишь при наличии опытного наставника такие виды подвижничества могут быть успешными, а иначе они могут быть путём, ведущим в прелесть, в сектанство, и даже самую настоящую ересь. О полумонашеских общинах, если они созданы по благословению церковных властей, этого сказать нельзя, ибо там есть и руководство, и законно действующий Устав.

Пустынничество древнего типа в наши дни возможно, но реально оно очень трудно исполнимо, ибо по мысли преподобного Серафима Саровского не хватает для этого решимости. Одинокое отшельничество, хотя в принципе и возможно среди мира, но без духовного руководства оно не безопасно.

Теперь нам остаётся сказать о реальности духовной жизни среди суетного мира: о домашней церкви и о мирском благочестии.

Идейные основы семьи, как домашней церкви, дал Сам Господь Иисус Христос в Евангелии: *Идеже бо еста два, или трие, собрани во имя*

Мое, ту есмь посреде их (Мф. 18:20). Идея эта раскрыта и в апостольских посланиях. Православная семья единомысленна с точки зрения аскетической, в ней подобающее место занимает молитва, трезвение и труд, люди собраны во имя Господне, царствует Дух Господень, в ней ищут *Царствия Божия и правды Его* (Мф. 6:33).

Человек принимает в Таинстве Святого Крещения и Миропомазания необходимую благодать для своего возрастания в Царство Божие. По традиции Православия Крещение мы принимаем во младеническом возрасте. Таким образом, под руководством наших воспитателей и родителей (или воспитателей) начинается духовно-телесное воспитание христианина, называемое Освящением, в результате которого вырабатывается нравственный характер соответственно христианскому учению. В наше время традиция эта в большинстве своём пресеклась. Теперь Крещение совершается при формальных воспитателях или вообще без воспитателей, поэтому нашему православному обществу предстоит процесс Освящения, которому должно быть предпослано боговедение. Вот в чём состоит проблема наших новообращённых.

Освящение есть осознание новой, получаемой во Святом Крещении жизни и доведение её до возможного совершенства. Здесь те же аскетические средства: молитва, богопознание, самодисциплина, самоупражнение, самонаблюдение, самообладание и многое другое, уже известное из аскетики. Живущий в мире сем подвижник может как бы заграждать свои чувства. "Если бы заградить эти отверстия, то покой внутри был бы ненарушим. Очевидно, надёжнейшее и решительнейшее к тому средство есть заграждение чувств" (Святитель Феофан Затворник. "Путь к спасению". С. 255). *Любящим Бога, вся поспешествует во благое*, - говорит Священное Писание (Рим. 8:28).

В дни четырёх постов, которые издревле утаныла Святая Православная Церковь, миряне как бы сливаются с монашествующими в посте, становятся в один ряд с ними в молитве, покаянии и подвигах добродетели. "Возсия благодать Твоя, Господи. Се время благоприятное, се время покаяния: отложим дела тьмы". Этот призыв Святой Церкви мы слышим в наших храмах ежегодно накануне начала постов Святой Четыредесятницы в самогласной

стихире вечерней стиховни.

Теперь необходимо сказать несколько слов о духовном руководстве. Основами руководства в духовной жизни являются способности и достоинство ведущего с одной стороны, и полное доверие и послушание ведомого, с другой стороны. В наши дни появился новый термин "младостарчество". Двухтысячелетний юноша в рясе начинает заниматься духовным окормлением таких же как он сам молодых людей, ищущих духовного руководства. Часто такой "младостарец" не знает даже основных истин веры, не говоря уже об истинных жизни духовной. Кроме вреда от такого "наставничества" ничего ожидать не приходится. А сколько возникло новых мелких сект! Сколько духовно и психически погубили людей такие "наставники" и "прорицатели"! Невольно приходят на мысль слова пророчества, что мы по грехам своим получаем это. *И дам им отроков в начальники, и дети будут господствовать над ними*, – говорит Господь (Ис. 3:4-5).

Но не в одних только "окормителях" дело: лжехристы и лжепророки всегда были и будут: *И мнози лжепророцы восстанут, и прельстят многие* (Мф. 24:11). Младостарчество есть новая форма старого содержания. Нельзя полностью оправдать и окормляемых. Мы, православные христиане имеем Священное Писание в святоотеческом толковании: *Аще мы или Ангел благовестит вам паче, нежели благовеститихом, анафема да будет* (Гал. 1:8). *Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий: и да верующе, живота имате во имя Его* (Ин. 20:31). Нам дано всё необходимое для спасения и жизни вечной. Но наши "новообращённые" по неопытности своей ищут иногда чего-то небывалого, нового, "потрясающего". У младостарцев на эти "мудрости века сего" недостатка нет.

Духовная жизнь сама по себе очень сложна и требует большой осторожности. Наставником может быть не только отец духовный, но и единомышленник, близкий друг-родственник, если это ему по силам. "Иметь откровение, то есть всякое недоумение, смущение или новое разумение своё открывать другому единомысленному, – наставляет святитель Феофан Затворник, – или отцу своему духовному с тем, чтобы решал и определял достоинство и произносил суд. Этим избегаются застои и уклонения, приобретается навык

самолично решать, и следовательно, сохраняется время, исстрачиваемое иногда на пустое мечтание. А главное, есть непрекращаемая безопасность, твёрдость убеждения непоколебимая, с которою в связи и твёрдость воли и прочность действия" (Святитель Феофан Затворник. "Путь к спасению". С. 262-263).

Итак, что же есть духовное руководство? Это есть духовно-нравственное воспитание, осуществляемое подвижниками благочестия на основе богопознания, личного духовного их опыта и дара духовной рассудительности.

"Рассудительность есть дар Божий, который, однако же надлежит развивать и воспитывать. Как? Отдавая всё своё на рассуждение опытейших отцов. Это самая мудрая школа рассудительности, в которой научаются добре рассуждать о достоуджном даже и такие, которые не имеют особой к тому способности" (Добротолубие. Т. 2. С. 143-144). Таким образом, окормляемый подвижник учится в то же время и сам духовному окормлению.

Преподобный Иоанн Лествичник определяет рассудительность так: "Рассуждение в общем смысле в том состоит и познаётся, чтобы точно и верно постигать божественную волю во всякое время, во всяком месте и во всякой вещи. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 26, 2).

^ **Заключение**

Завершая наше исследование понятий духовной жизни: её сущности и законов, её значения в противостоянии царству зла, мы должны мысленно возвратиться снова к Эдему, где она начала своё существование. Создавая человека из вещества, ранее уже сотворённого "единым словом", Господь *дунул в лице его дыхание жизни* (Быт. 2:7). Это Божественное дыхание стало основой постепенного богоуподобления в зависимости от воли самого человека. Малая искорка Божественного огня, доведённая до полного горения и свечения, создаёт внутри человека то, что Священное Писание называет "Царствием Божиим", царствием Духа, что мы и называем духовной жизнью.

Спаситель уподобляет Царствие Божие "зерну горшечну", то есть

косточке плода (греч. %Г[хо'хх_рs sina'рew_ks%]). Эта косточка и есть то, из чего произрастает древо Царствия Божия в духовную жизнь христианина.

Эдемские заповеди - воздержание, возделывание и хранение легли в основу Законов духовной жизни на все времена. Молитва заменила собой непосредственное богообщение; удаление от греха и воздержание стали трезвением; возделывание и хранение - доброделанием или трудом.

В духовной жизни много форм подвижничества и много степеней совершенства принципиально единого пути в Царствие Божие. И ни одна из степеней и форм подвижничества не забыты Богом. "Помощь Божия подаётся только верным, - учит преподобный Иоанн Лествичник. - Хранение Божие бывает над такими верными, которые поистине верны. Милости Божией сподобляются работающие Богу; а утешения - любящие Его" (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Ст. 26, 24).

Да не смущается сердце ваше, - сказал Господь, - веруйте в Бога и в Мя веруйте. В доме Отца Моего обители многи суть (Ин. 14:1-2). И Святая Церковь непрестанно призывает нас словами Спасителя: *Ищите же прежде Царствия Божия, и Правды Его, и сия вся приложится вам* (Мф. 6:33).

^ Использованная литература

1. Библия. СПб., 1900.
2. Толковая Библия Лопухина. СПб., 1904.
3. Добротолюбие. Т. 1, 2, 3, 5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.
4. Творения святителя Иоанна Златоуста. Т. 1, 2, 3. СПб., 1899.
5. Преподобные Варсонофий Великий и Иоанн пророк. Руководство к духовной жизни. М., 1995.
6. Преподобный Исаак Сириянин [Сирийн]. Слова подвижнические. М., 1993.
7. Авва Дорофей. Душеполезные поучения и послания., М. 1995.
8. Преподобный Макарий Египетский. Духовные беседы. М., 1998.

9. Книга Правил Святых Апостол, Святых соборов Вселенских и Поместных и Святых Отец. М., 1893.
10. Древние иноческие уставы. М., 1994.
11. Преподобный иоанн Лествичник. Лествица возводящая на небо. М., 1862.
12. Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться? Л., 1991.
13. Святитель Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Т. 2. М., 1993.
14. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. СПб., 1893.
15. Акафистник. Акафист Пресвятой и Животворящей Троице. Архиепископ Иннокентий Херсонский. М., 1995.
16. Типикон. СПб., 1992.
17. Иеромонах Никон (Беляев). Дневник последнего духовника Оптиной пустыни. СПб., 1994.